

Рис. 91. Кремневые скобели. Поселения Жямайтишке 1 (3, 4, 6, 7, 8—10) и Жямайтишке 2 (1—2, 5, 11)

Такие долотообразные орудия известны в поселениях нарвской культуры в Эстонии — Нарва I [9, рис. 87].

Своеобразные долота обнаружены в поселениях Крятуонас 1Б. Они изготовлены из трубчатых костей (рис. 101, 2—6), лезвия их узкие, залощены до блеска. Таким орудием, если вставить его в рукоятку, легко обрабатывать дерево, а точнее — делать в нем узкие и глубокие отверстия.

В поселении Жямайтишке 2 обнаружено долотообразное орудие, изготовленное из оленьего рога — место ответвления (рис. 101, 1).

Большой интерес представляет группа костяных орудий продолговатой формы из поселения Крятуонас 1Б (рис. 102). Они изготовлены из продольно расколотых трубчатых костей с одним округлым и уплощенным рабочим концом. Вся поверхность их сильно залощена, эпифиз использовался в качестве тыльной части. Судя по наличию тонкого залощенного рабочего конца, данные предметы следует считать орудиями типа кочедыка, используемыми для плетения обуви или корзин, т. е. изделий из коры или прутьев. Один такой экземпляр обнаружен в погребении № 4 (рис. 101, 2).

В поселении Крятуонас 1А обнаружены пилы, изготовленные из продолговатых пластин (рис. 96, 2—3). Их рабочие лезвия с крупными выщерблинами.

О материале, из которого изготавливались кремневые изделия, можно судить по нуклеусам. Из их остатков, как можно предполагать, отщеплялись пластины, из которых затем изготавливались орудия. В поселении Крятуонас 1Б нуклеусы (как сырье) довольно массивные, качественные. Их можно подразделить на одноплощадочные (рис. 103, 1—4, 6, 10) или двухплощадочные (рис. 103, 5, 7—9). По потребности крятуонцы отщепляли от них широкие или узкие пластины. В поселениях Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2 нуклеусов мало, все они одноплощадочные. Выделяется один крупный и высокий отщеп одноплощадочного нуклеуса, от которого отщеплялись длинные и узкие пластины (рис. 104, 5).

Обнаруженные в поселении Крятуонас 1А нуклеусы как одно-, так и двухплощадочные, сработанные до предела, мелкие, от которых отделялись узкие пластины (рис. 105). В них много меловых вкраплений, они низкокачественные. Это сырье крятуонцы собирали рядом,

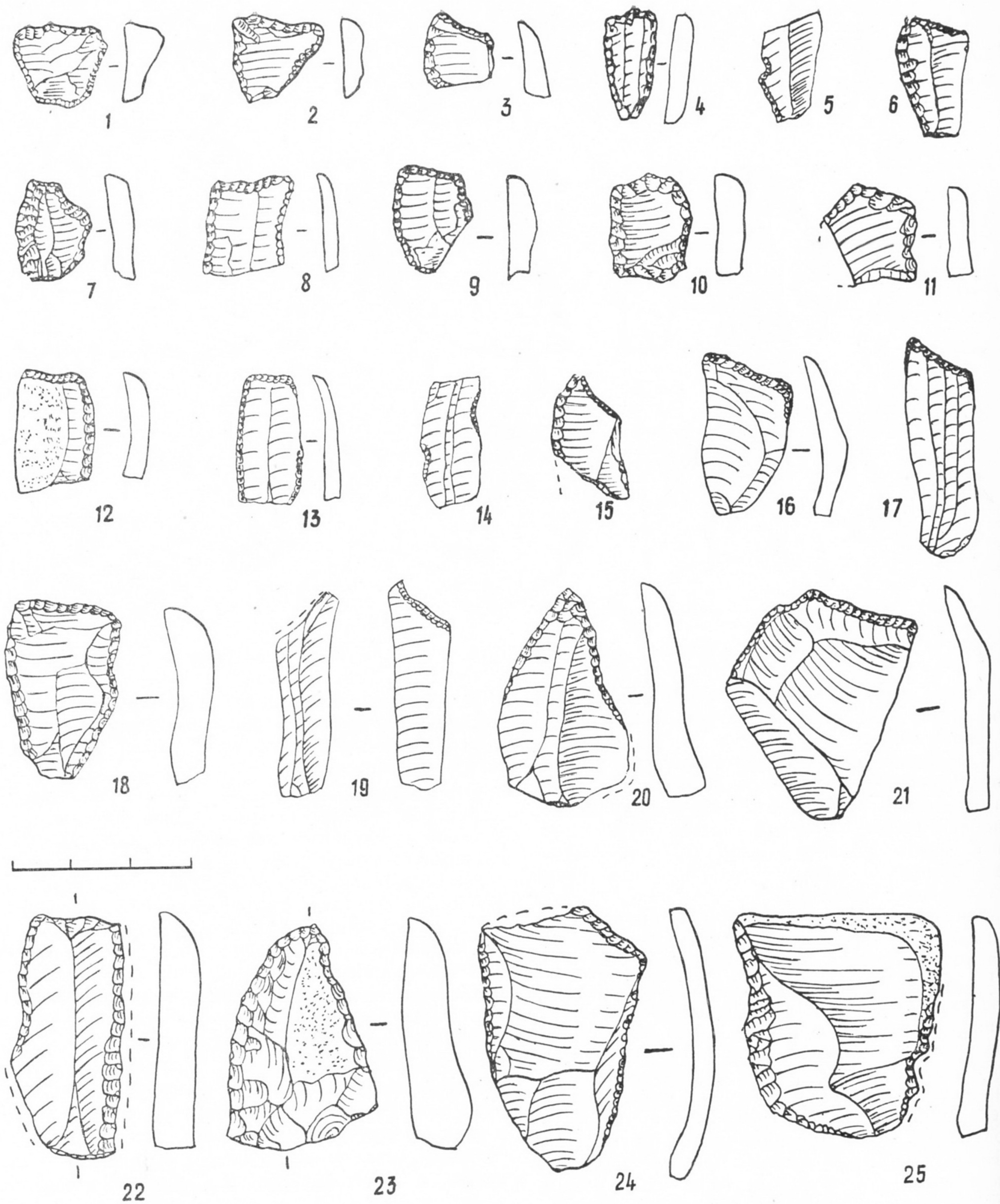

Рис. 92. Кремневые скребели на пластинах. Поселение Крятуонас 1А

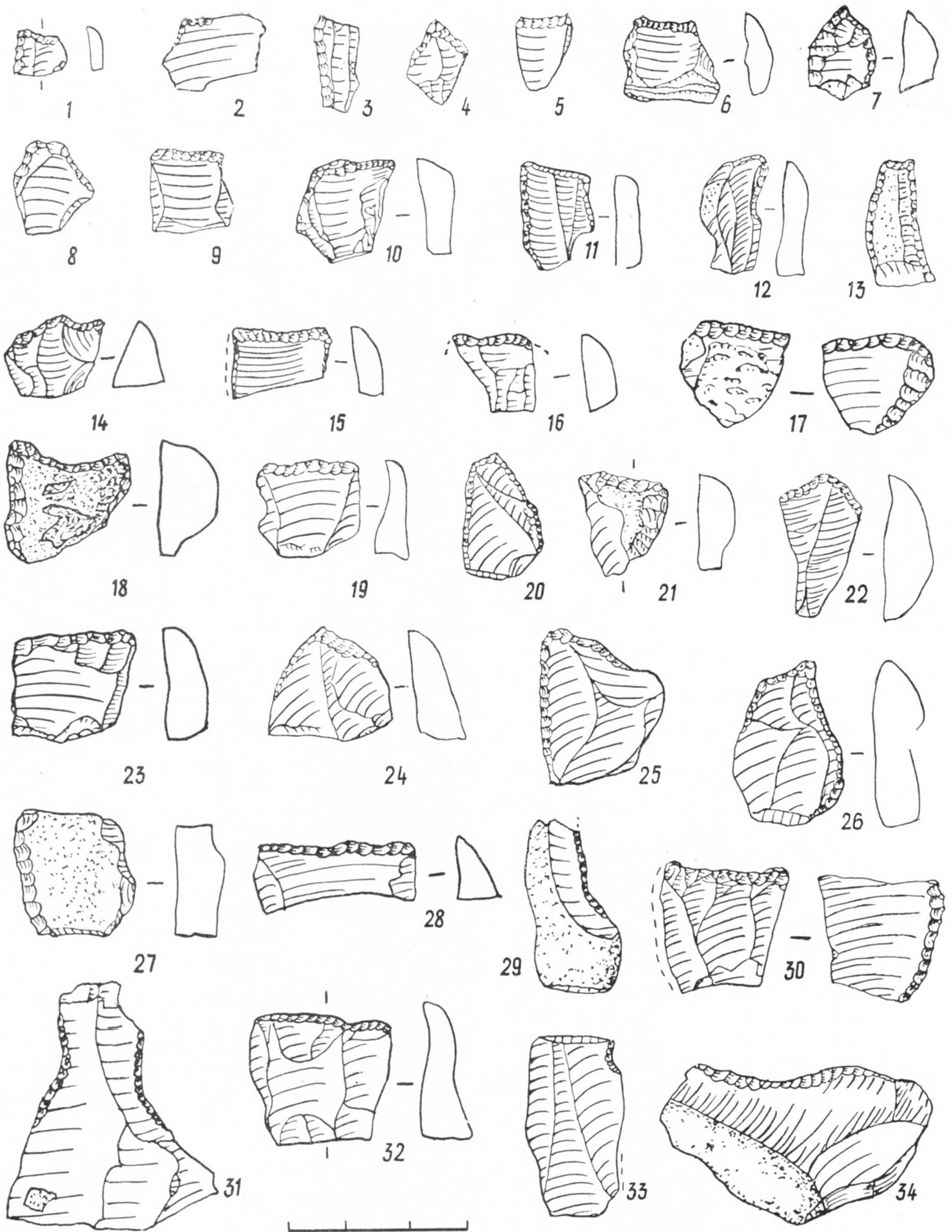

Рис. 93. Кремневые скребели на отщепах. Поселение Крятуонас 1А

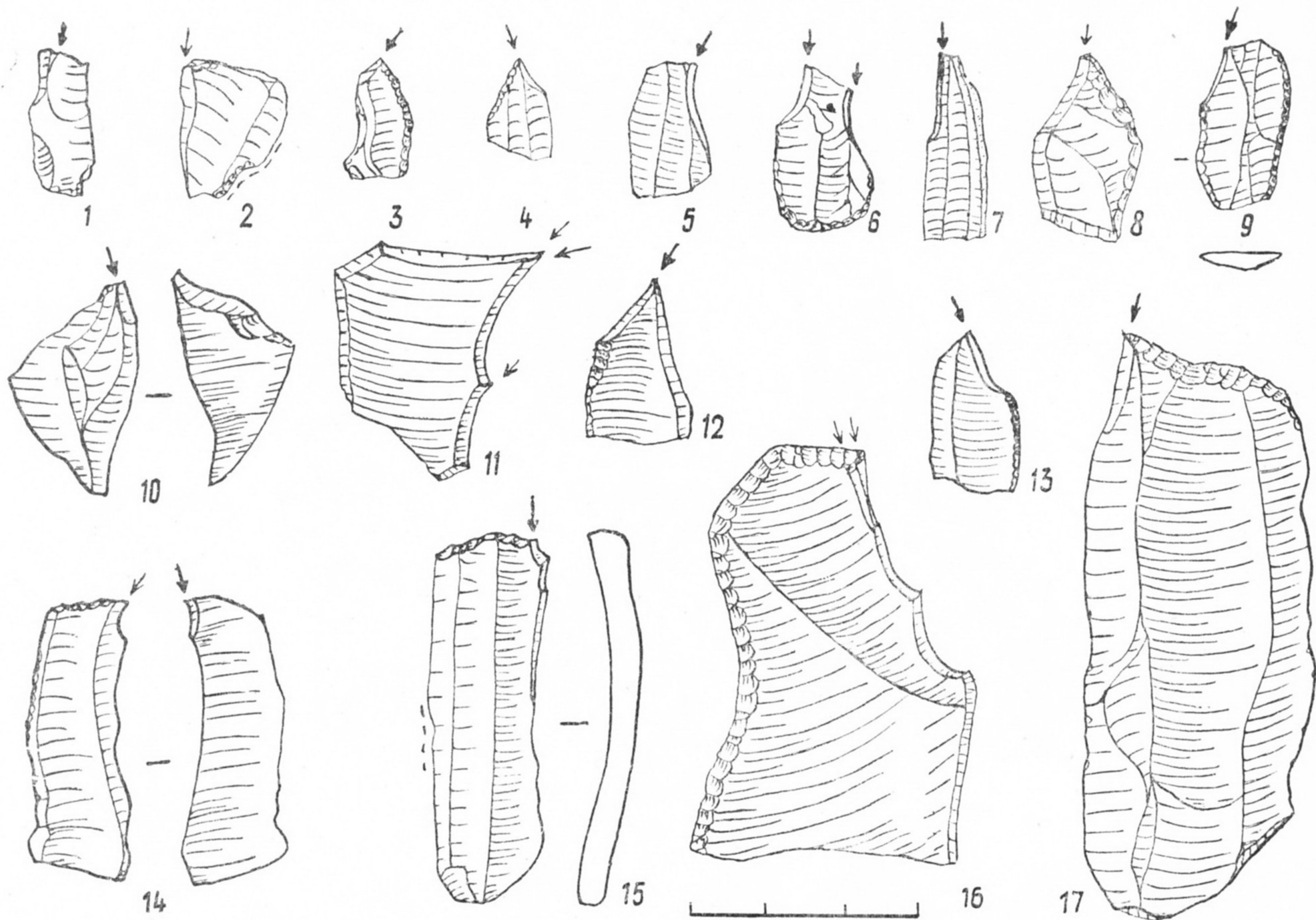

Рис. 94. Кремневые резцы. Поселения Крятуонас 1Б (5, 7, 11—13, 16—17), Жямайтишке 2 (1, 10, 14), Крятуонас 1А (2—3, 6, 15)

в 1—1,5 км северо-восточнее от поселений, на склонах моренных возвышенностей.

Численно большую группу составляют проколки и шилья — орудия, которые по выполняемой функции можно объединить в одну группу.

В поселении Крятуонас 1Б проколки изготовлены из осколков крупных трубчатых костей или из осколков диафизов (рис. 106, 10, 11), у которых поверхность тщательно отшлифована. Выделяется одна проколка, изготовленная из плоской кости, по сторонам которой сделаны выемки, а острие короткое, так как кость резко сужается и переходит в острие (рис. 106, 10). В поселении Жямайтишке 2 большинство проколок изготовлено из осколков диафизов трубчатых костей животных, острие у них постепенно сужается (рис. 106, 1—7, 9, 12—14). Есть и такие проколки, которые не имеют устойчивых типов. Для изготовления этой категории орудий нередко брался более или менее подходящий кусок кости, обладающий прочностью. Один из таких кусков обнаружен в поселении Жямайтишке 1 (рис. 106, 8).

Таким образом, рабочие части проколок бывают различной остроты. Имеются сравнительно тупые, как в поселении Крятуонас 1Б, служившие для нанесения относительно широких отверстий, а также тонкие, применявшиеся, видимо, для сшивания шкурок проколки.

Аналогичные шилья обнаружены в поселениях развитого и позднего неолита Литвы — Швянтойи 23 [113, раб. 5, 1, 6, 16 и др.], Шарняле [75, раб. 8, 6], а также в городищах бронзового и раннего железного веков — Пятрашюнай, Мошкенай (Рокишкский р-н), Воренай (Молетский р-н) [82, раб. 1]. Такой же формы шилья встречаются в поселениях позднего неолита и ранней бронзы в Латвии — Абора 1 [31, табл. XXXII, 7, 8; 101, tab. 5, 7, 8].

Для шитья использовались и костяные иглы с отверстием для продевания ниток. Одна такая игла была обнаружена на территории между поселениями Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2 во время мелиоративных работ. Игла изготовлена из крупного осколка трубчатой кости, поверхность которой залощена до

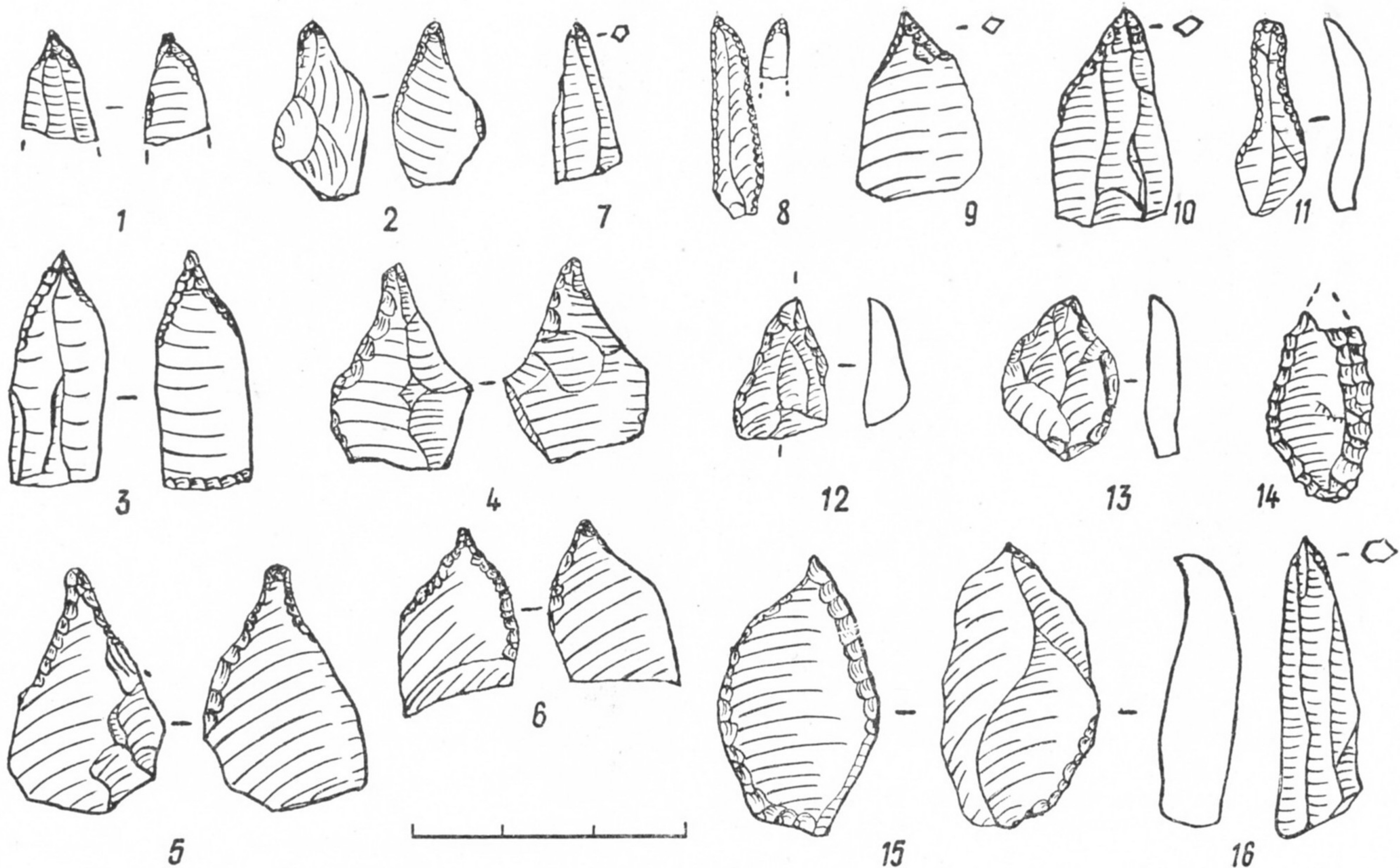

Рис. 95. Кремневые сверла. Поселения Крятуонас 1Б (1—6), Крятуонас 1А (7—16)

блеска от длительного употребления (рис. 107).

В поселении Жямайтишке 2 обнаружены костяные (рис. 108, 1, 3, 4) и роговой (рис. 108, 2) скребки, у которых одна боковая сторона заострена, а поверхность тщательно отшлифована.

Большую группу как в поселении Крятуонас 1Б (рис. 108, 5), так и в позднеолитических поселениях (рис. 108, 6) составляют костяные острия, изготовленные из продольно

расколотых трубчатых костей или верхней части рога. По своей форме они близки к кочедыкам, хотя острия у них более острые. Поверхность у остриев отшлифована.

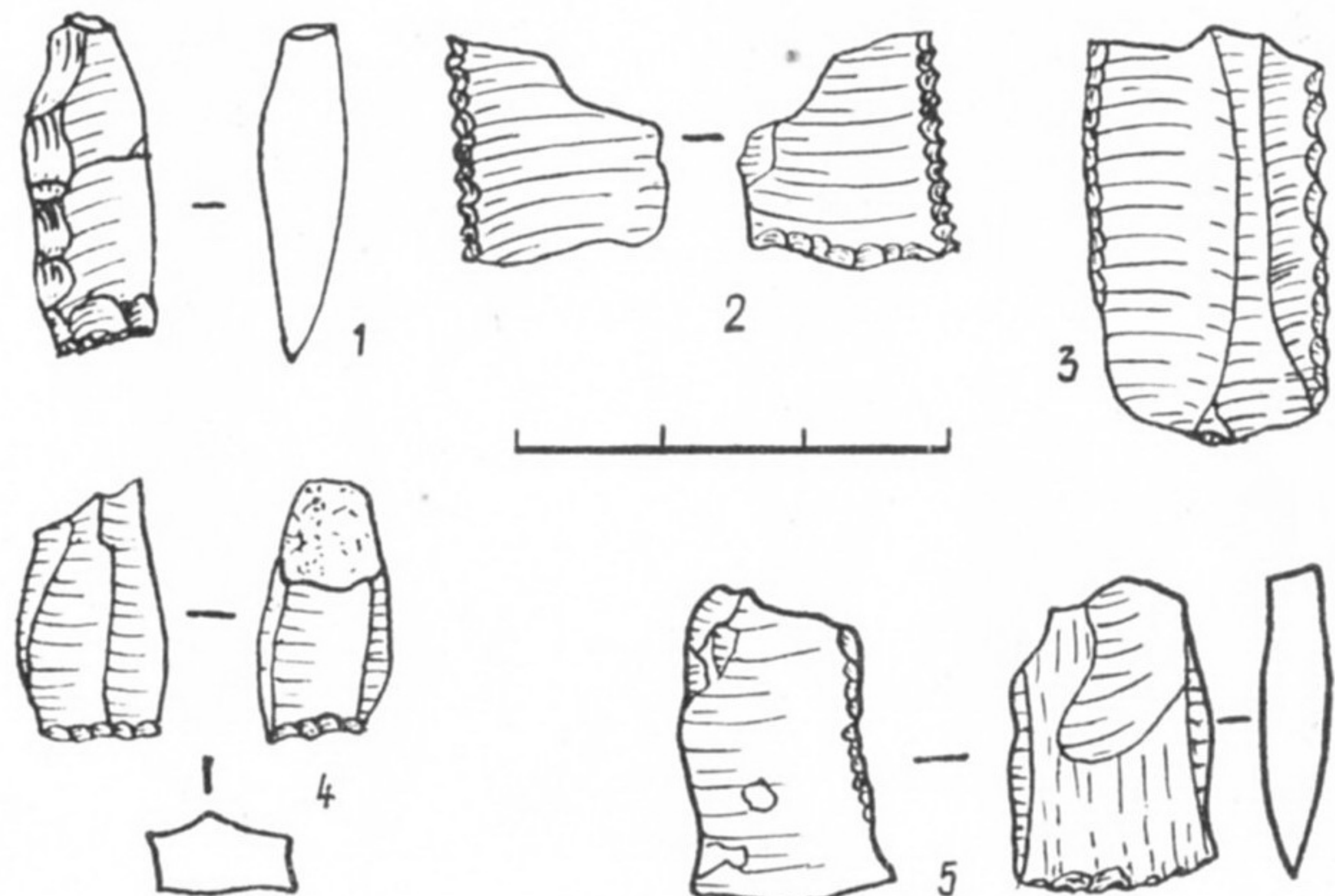

Рис. 96. Кремневые долота. Поселения Крятуонас 1А (1—3), Жямайтишке 2 (4—5)

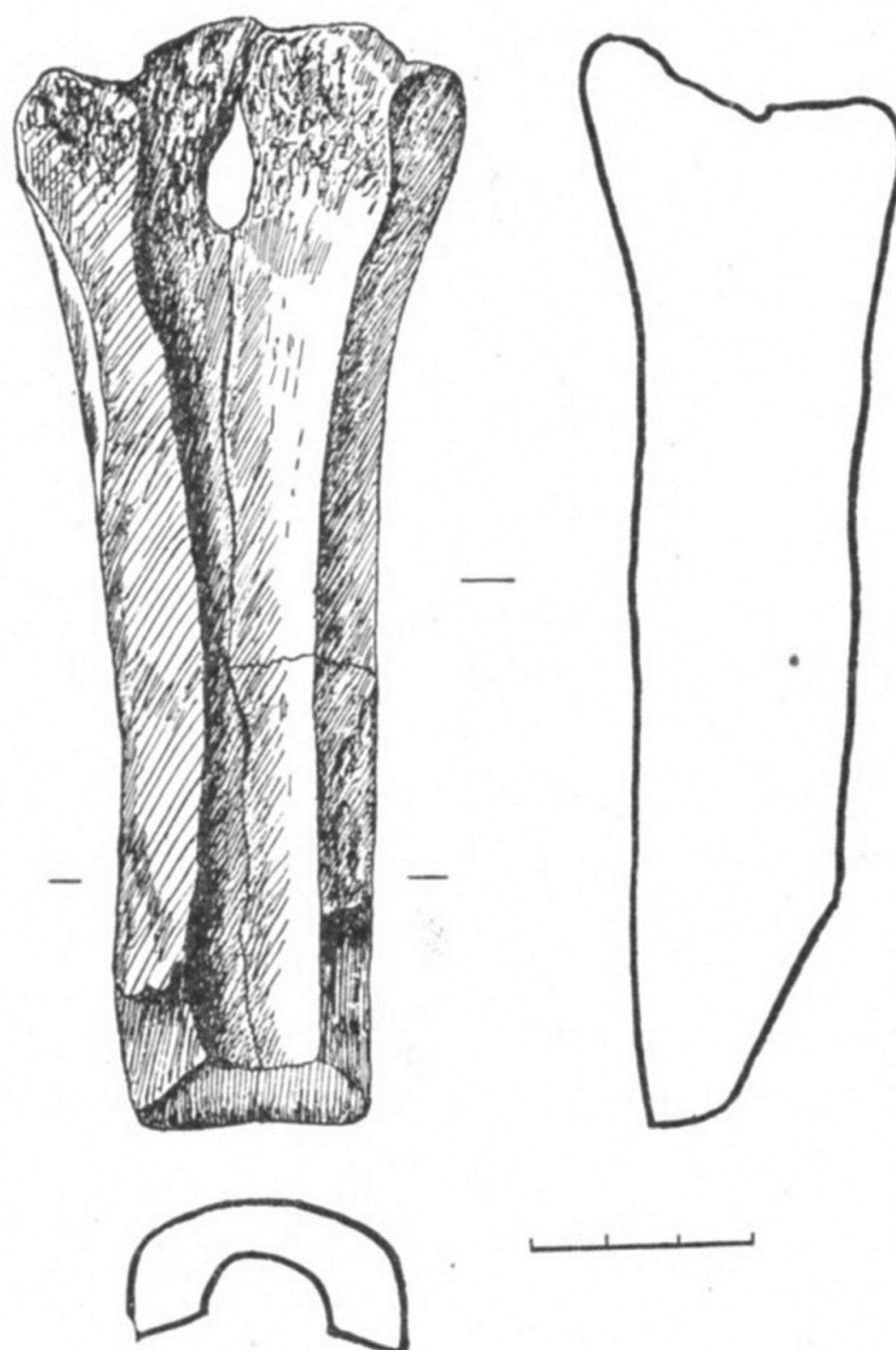

Рис. 97. Костяное долото. Поселение Крятуонас 1Б

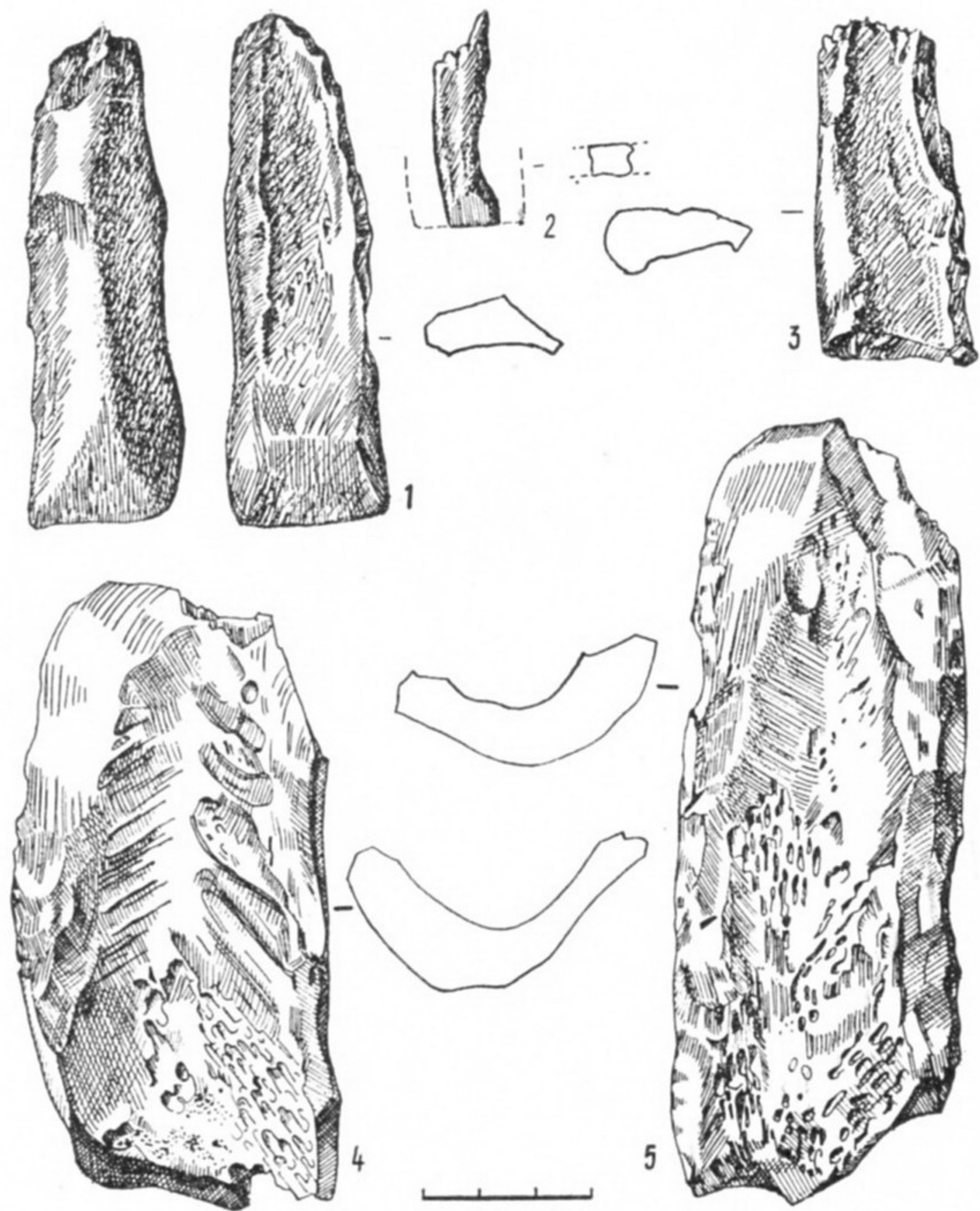

Рис. 98. Костяные однолезвийные тесла. Поселение Крятуонас 1Б

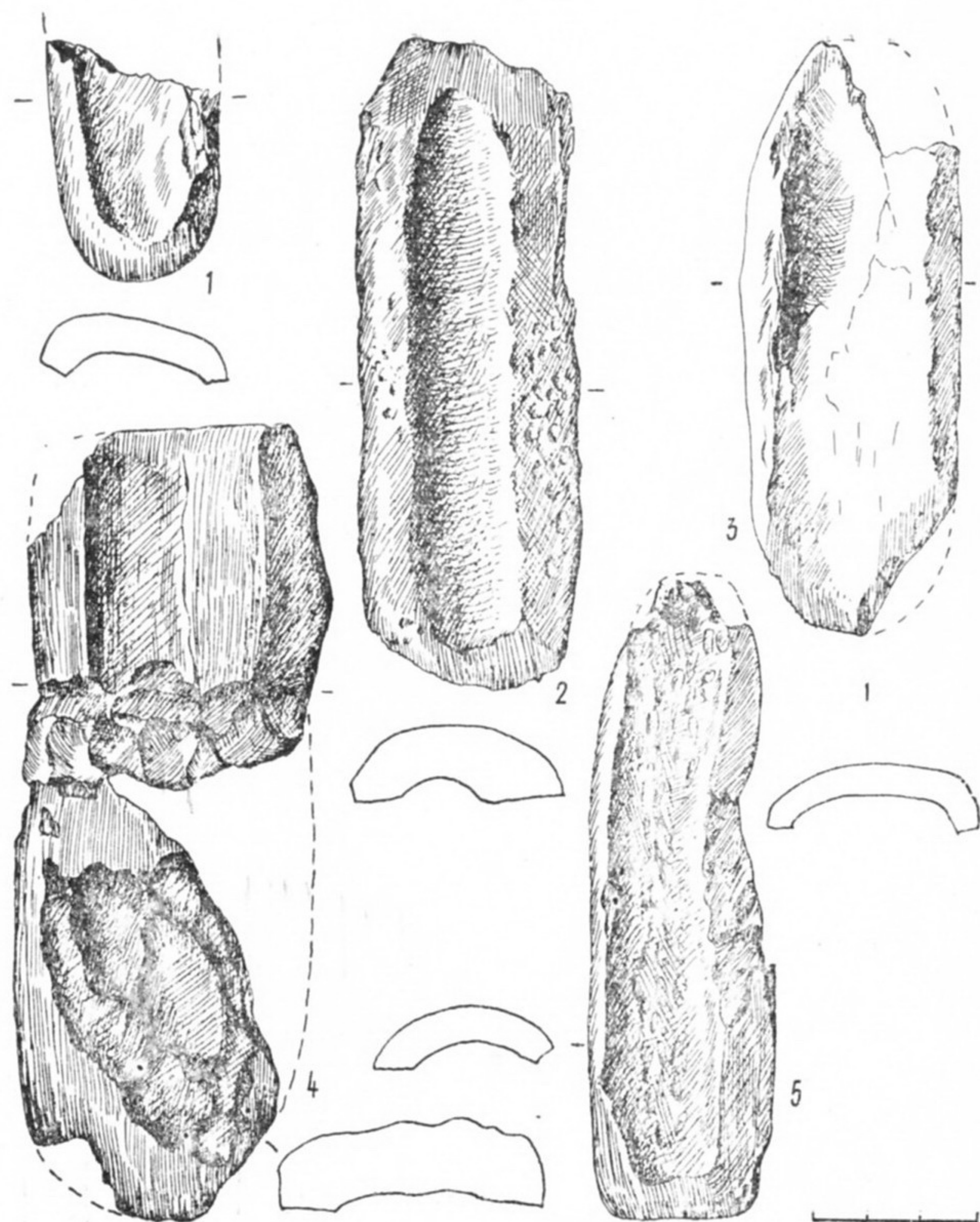

Рис. 100. Костяные двухлезвийные тесла. Поселение Крятуонас 1Б

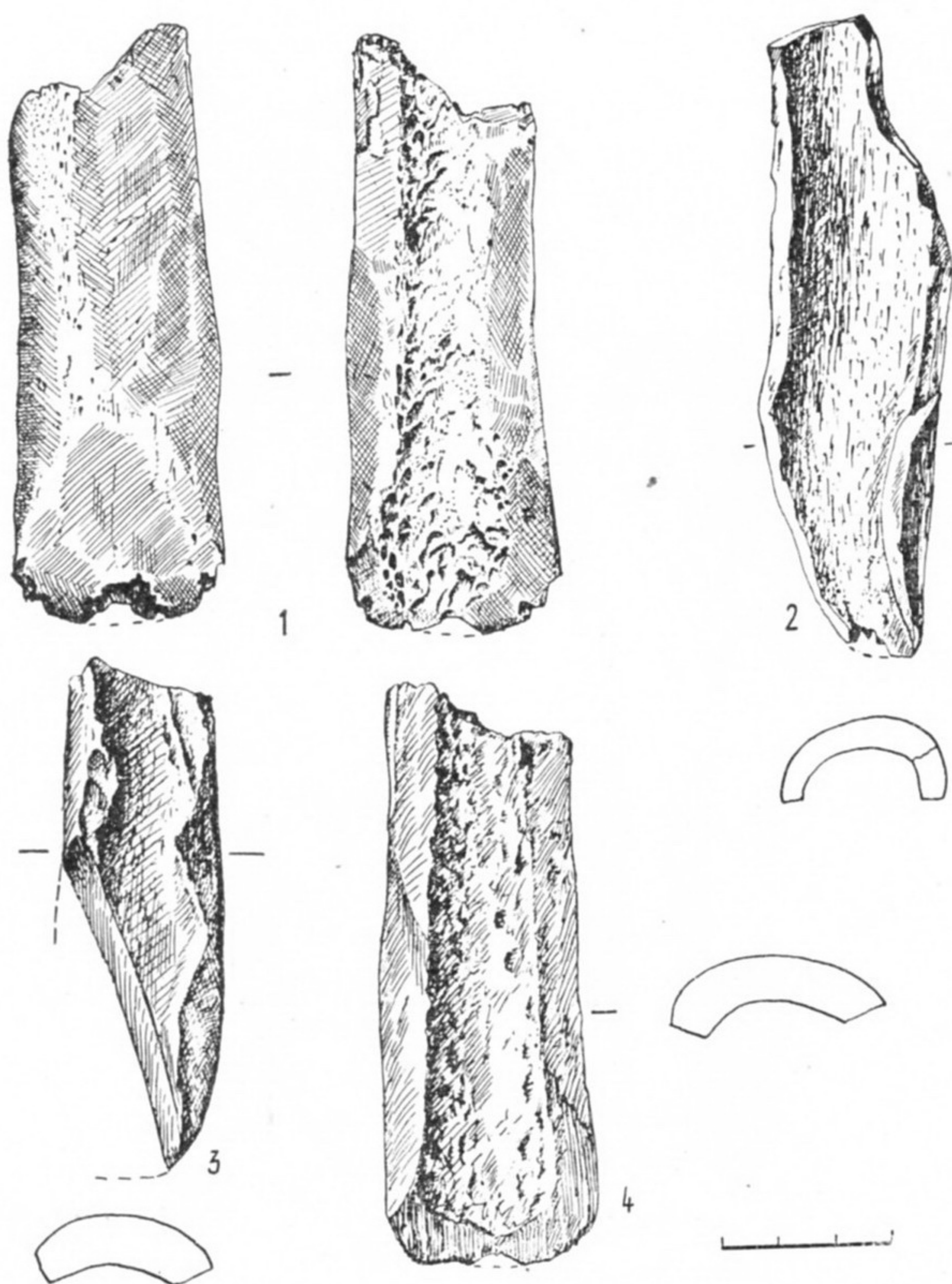

Рис. 99. Костяные однолезвийные тесла. Поселение Крятуонас 1Б

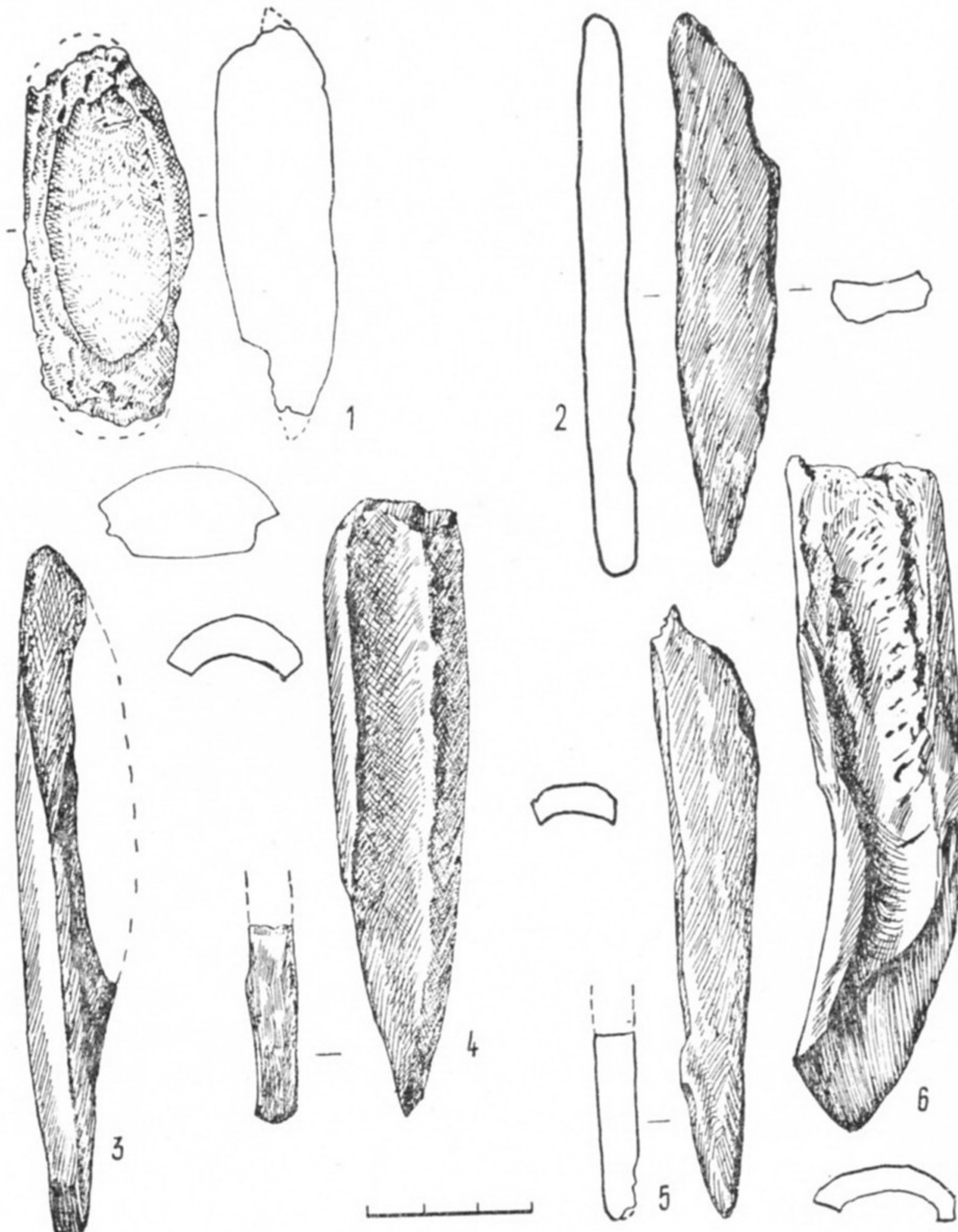

Рис. 101. Роговые (1) и костяные (2—6) долота. Поселения Крятуонас 1Б (2—5), Жямайтишке 2 (1, 6)

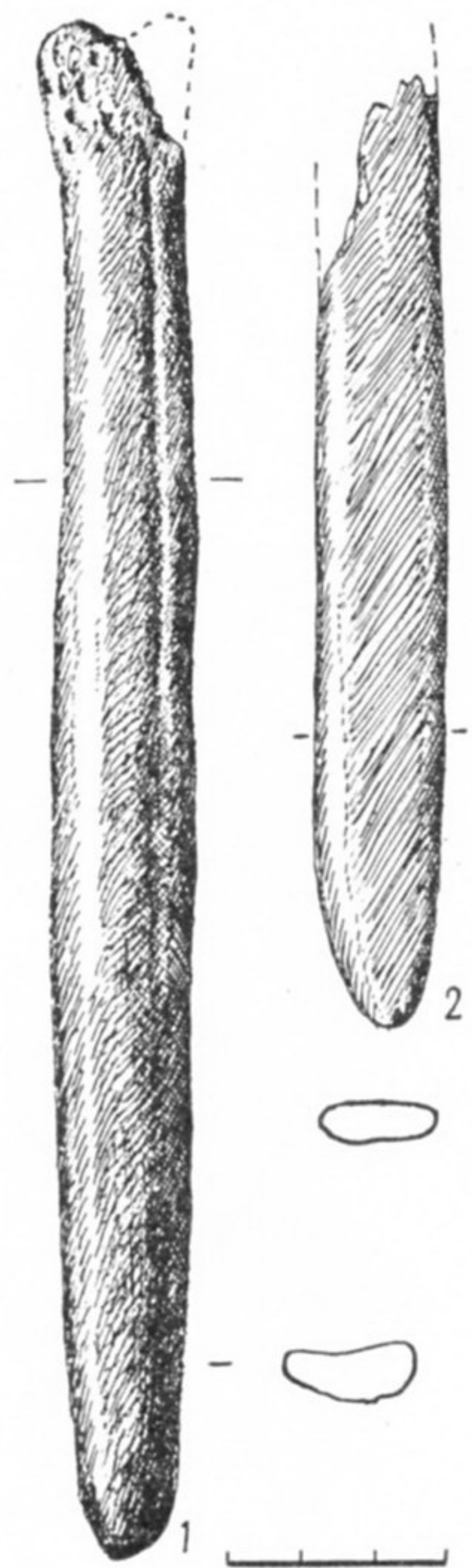

Рис. 102. Костяные кочадыки. Поселение Крятуонас 1Б

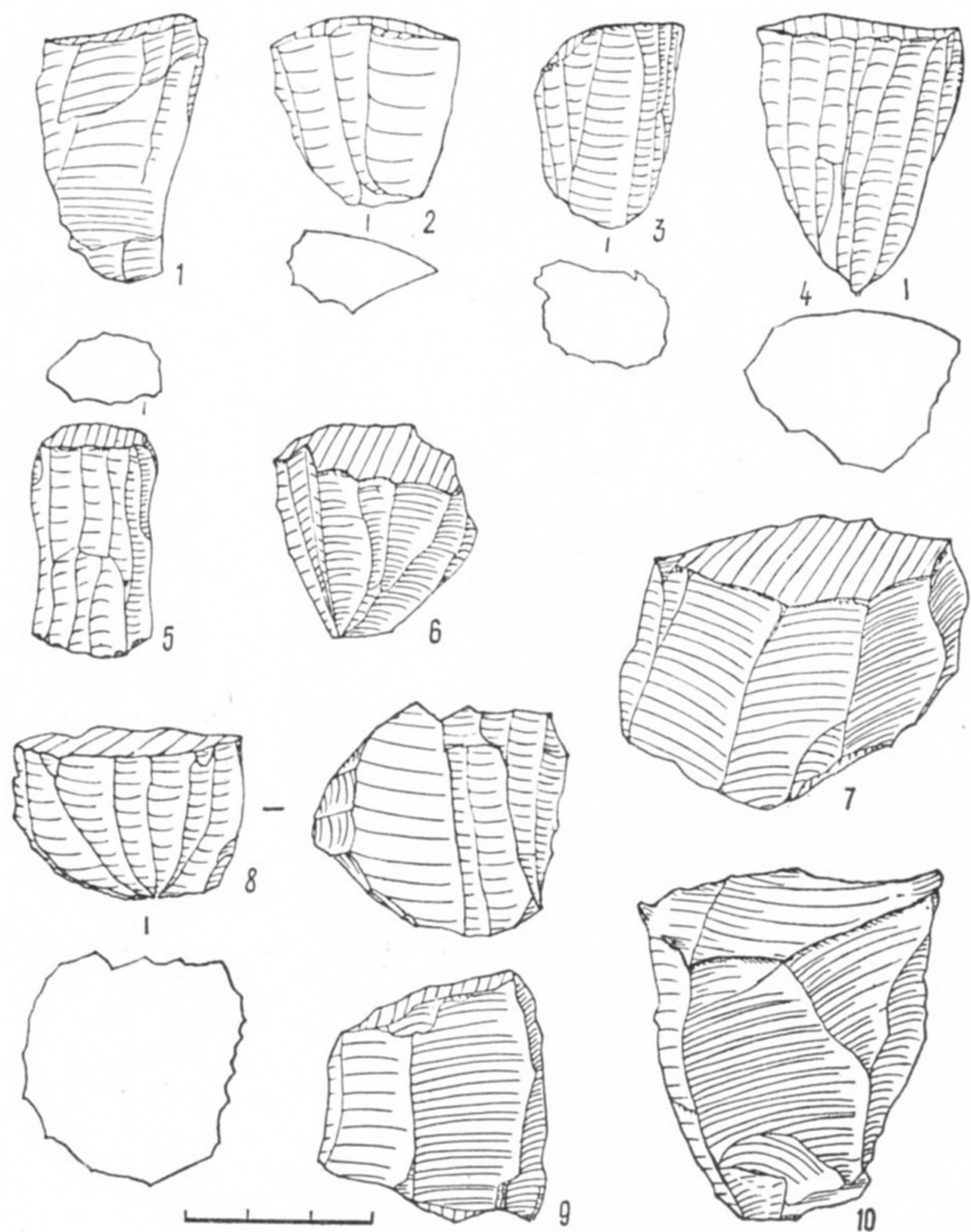

Рис. 103. Нуклеусы: одноплощадочные (1—4, 6, 10) и двухплощадочные (5, 7—9). Поселение Крятуонас 1Б

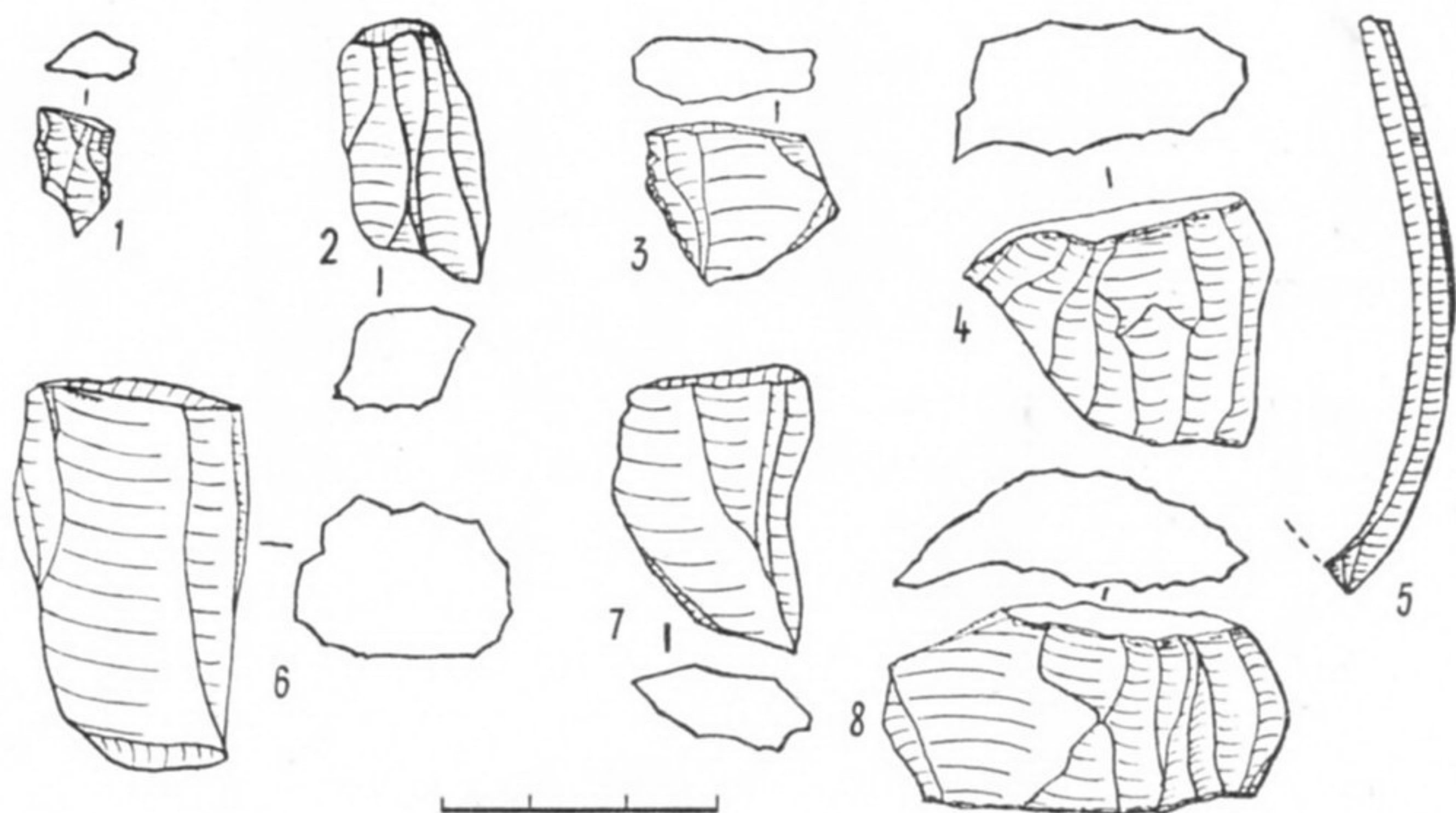

Рис. 104. Нуклеусы. Поселения Жямайтишке 1 (2, 6), Жямайтишке 2 (1, 3—5, 7—8)

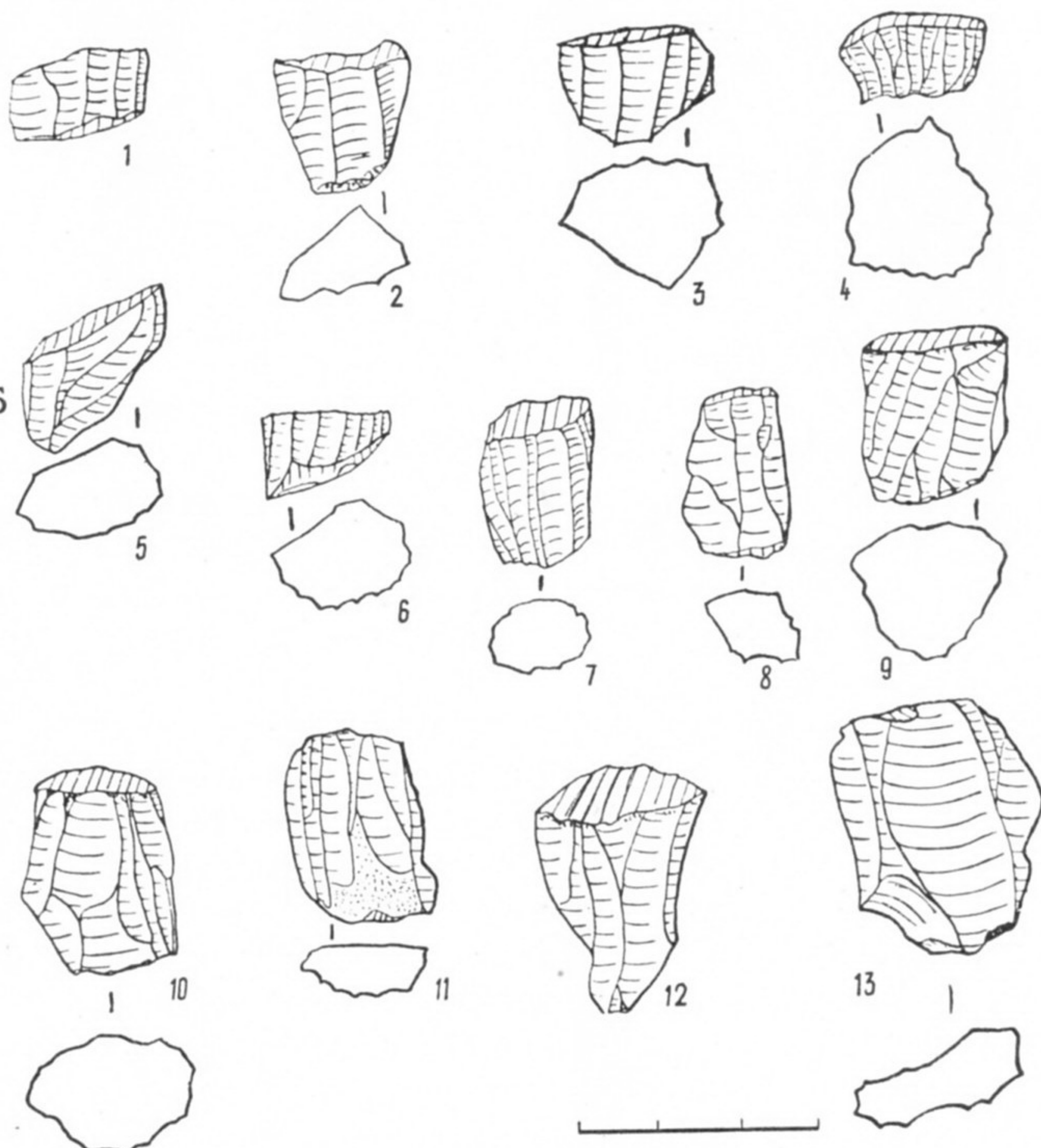

Рис. 105. Нуклеусы: одноплощадочные (2, 5—6, 8, 12—13) и двухплощадочные (1, 3—4, 7, 9). Поселение Крятуонас 1А

В поселении Крятуонас 1Б обнаружены орудия из трубчатых костей, лезвия у которых скошены под углом 45° (рис. 109, 1, 3, 7), рабочая часть лощеная, на лезвиях видны штрихи, указывающие, что работа орудиями производилась в продольном направлении. Выделяется одно орудие двойного назначения — однолезвийное тесло, лезвие которого находится под углом 45° (рис. 109, 3). Такие орудия обнаружены в поселениях раннего и среднего неолита Эстонии — Нарва I [9, рис. 82, 20, 31] и Латвии — Оса, Пиестиня [9, рис. 99, 125].

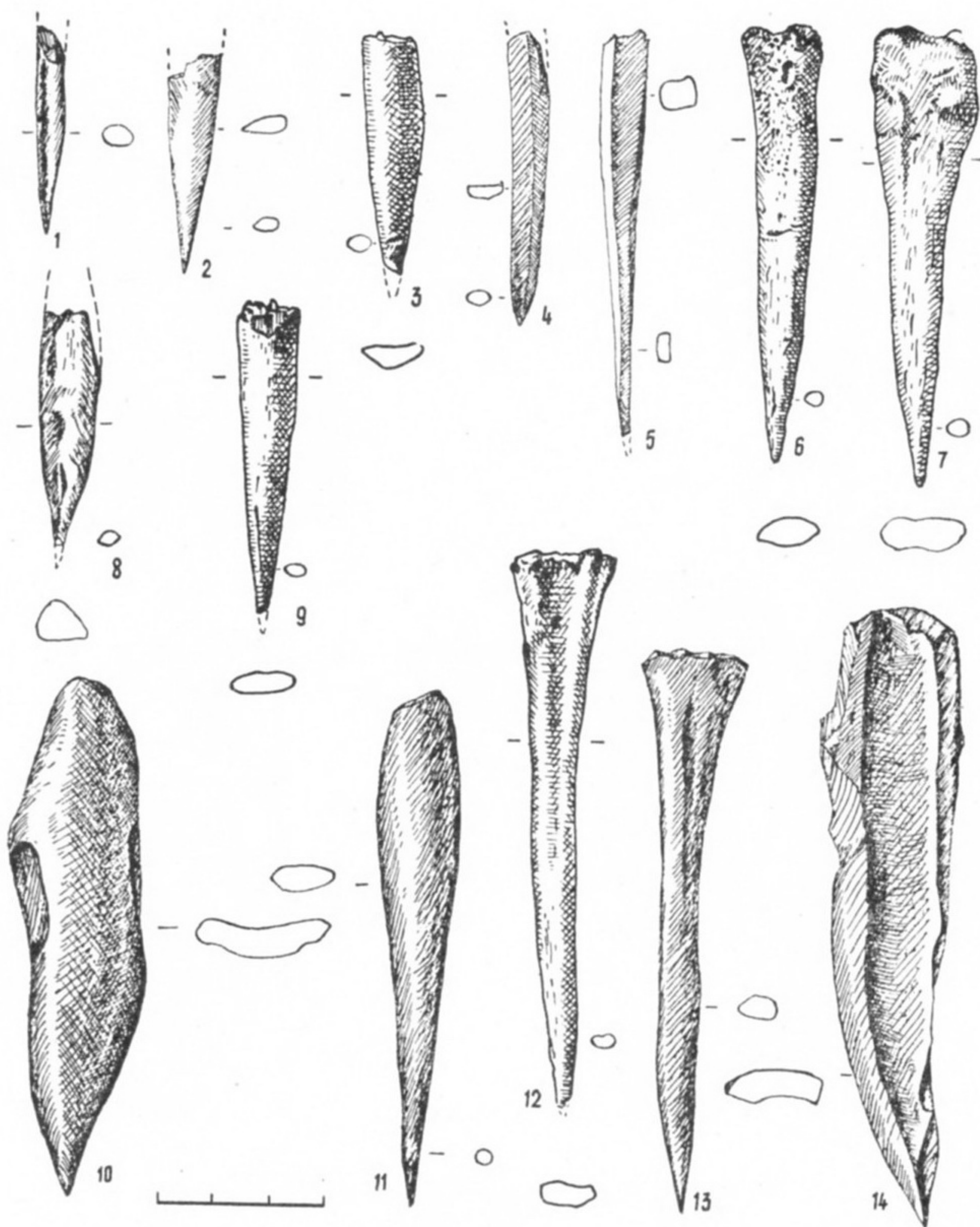

Рис. 106. Костяные шилья. Поселения Крятуонас 1Б (10—11), Жямайтишке 1 (8), Жямайтишке 2 (1—7, 9, 12—14)

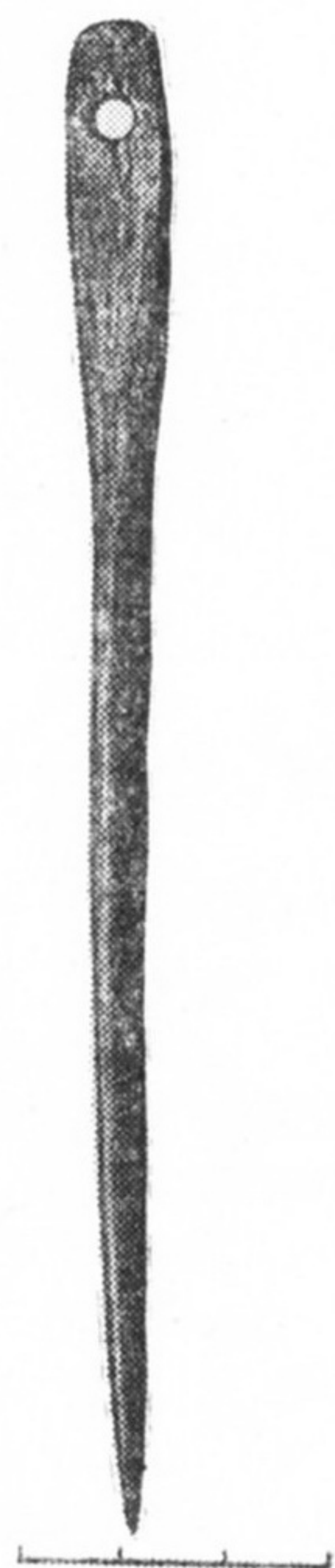

Рис. 107. Костяная игла. Территория между поселениями Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2

Рис. 108. Костяные и роговой скребки (1, 3—4), костяное (5) и роговое (6) острия. Поселения Крятуонас 1Б (3—5), Жямайтишке 2 (1—2, 6)

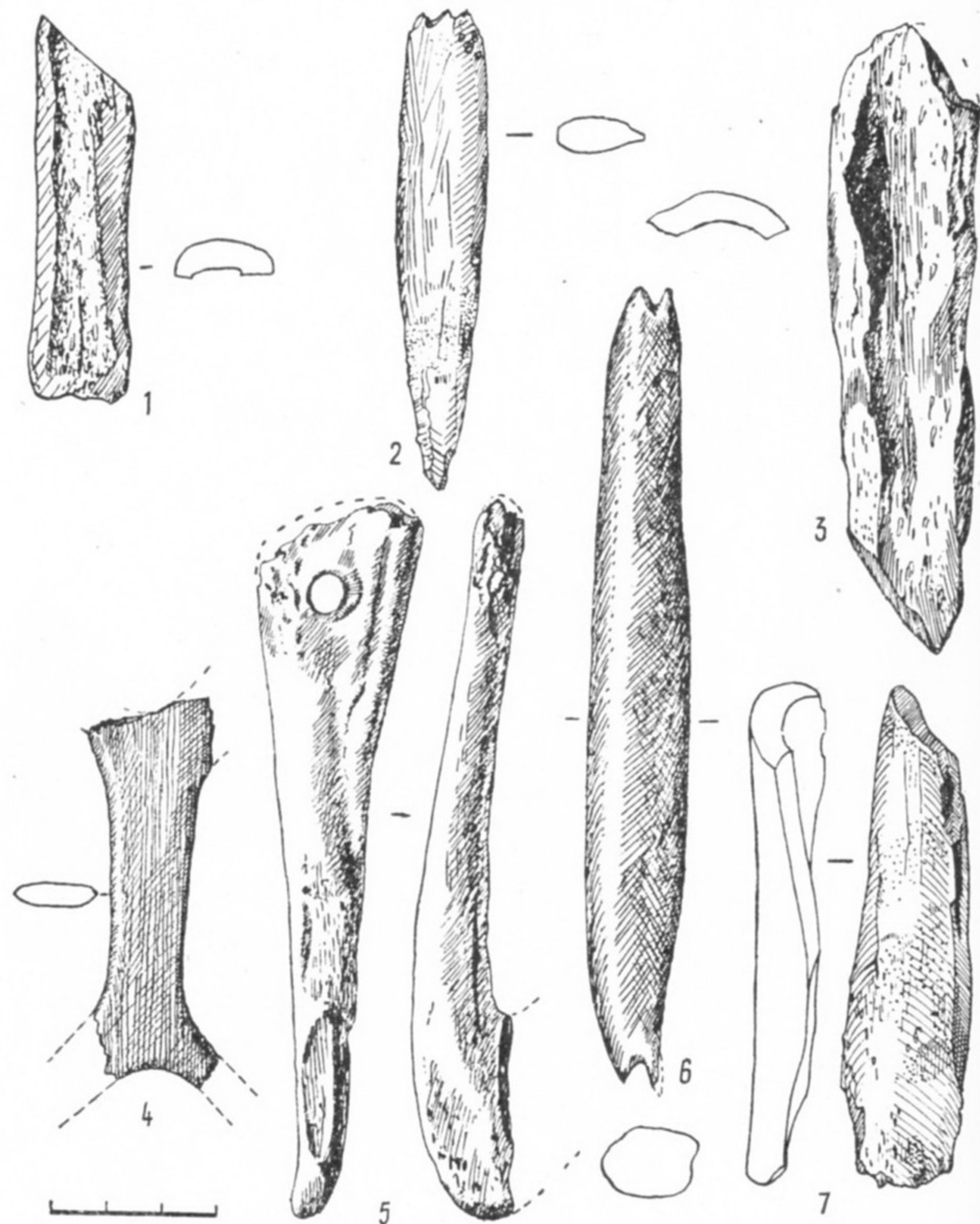

Рис. 109. Орудия под углом 45° (1, 3, 7), штамп (2), катушка ниток (4, 6), крюк (5). Поселения Крятуонас 1Б (1, 3, 6—7), Жямайтишке 1 (2), Жямайтишке 2 (4—5)

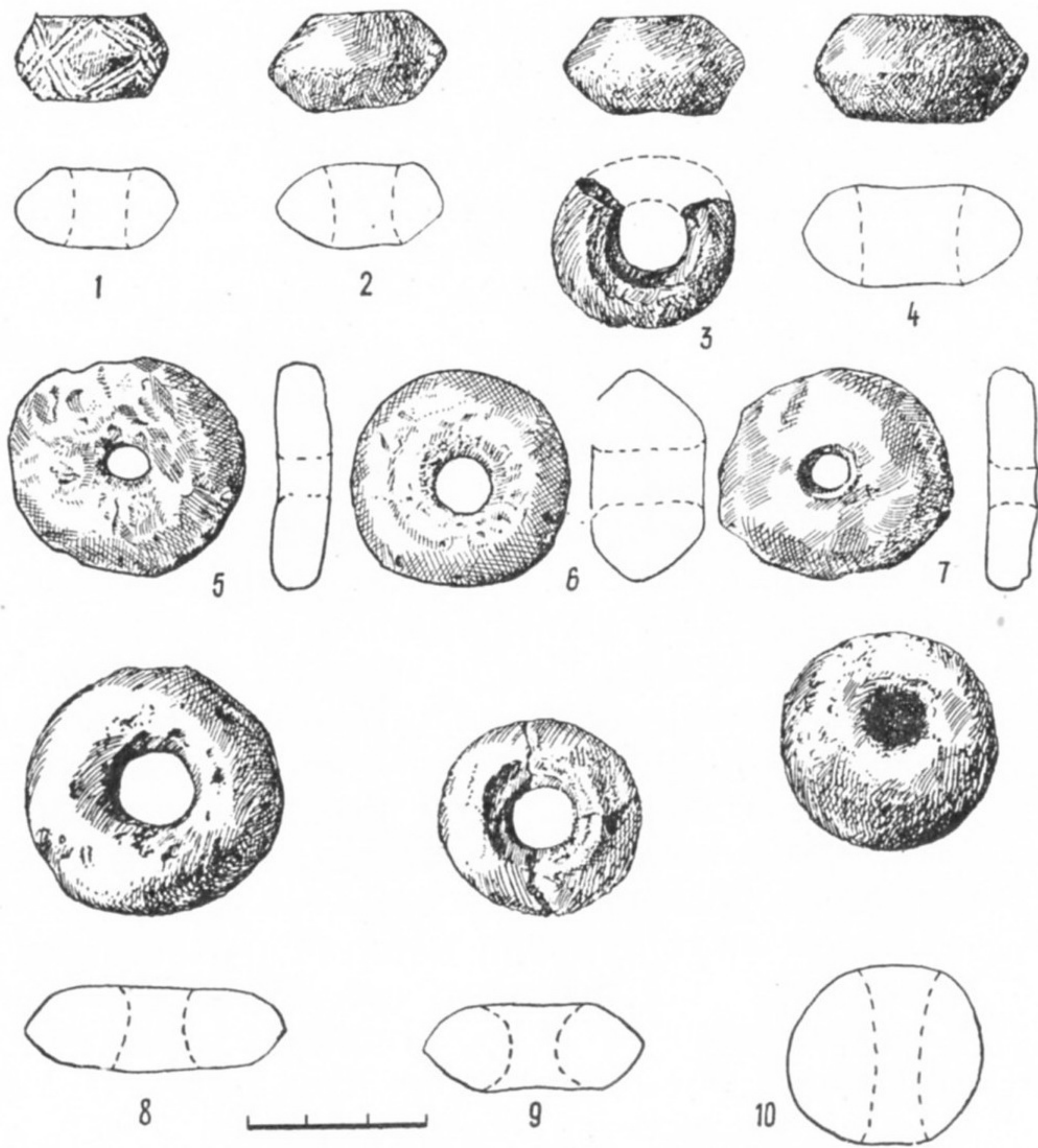

Рис. 110. Глиняные пряслица. Поселения Крятуонас 1А (1—4, 8—9), Крятуонас 1Б (5—7), Жямайтишке 2 (10)

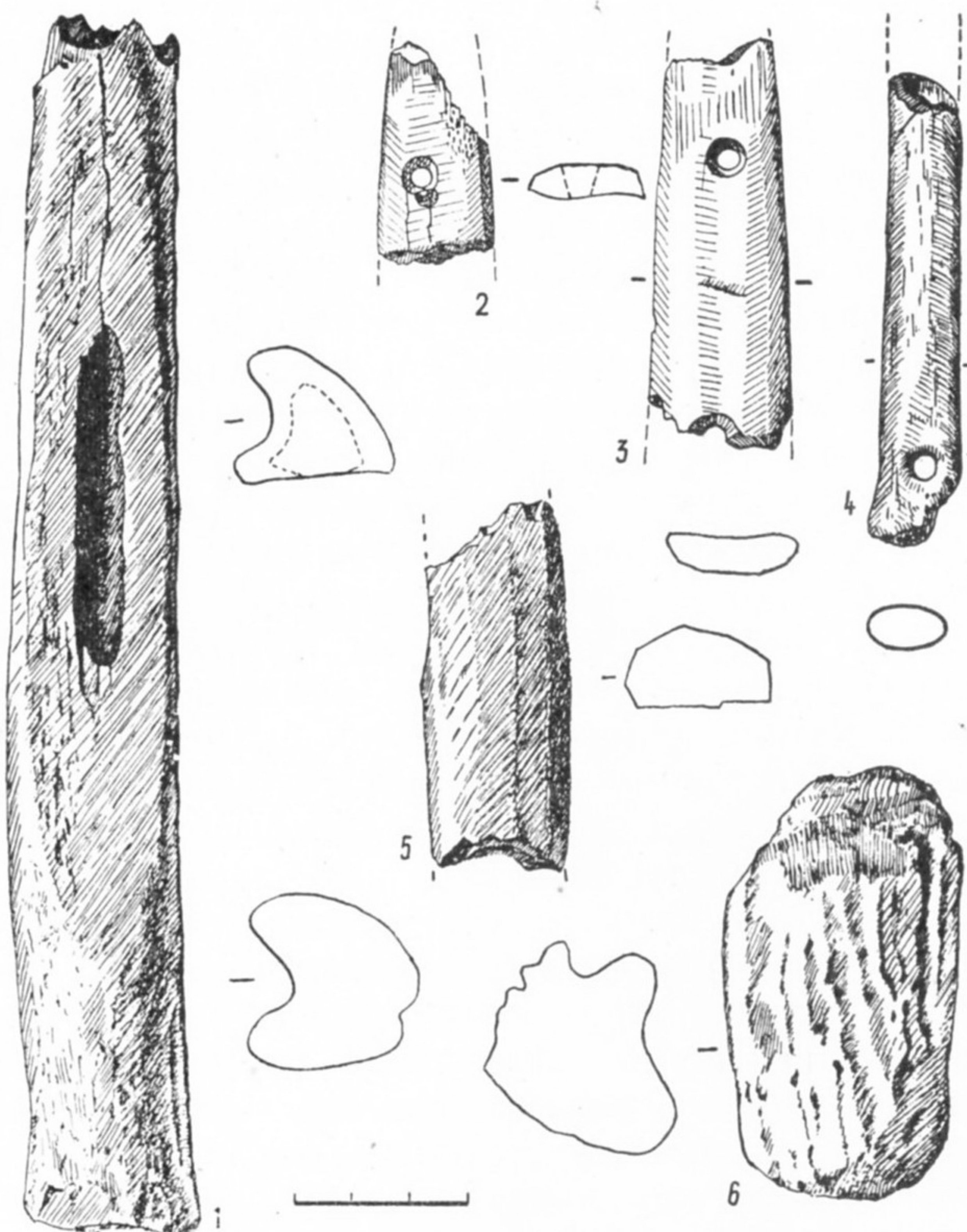

Рис. 111. Орудие для обработки кожи (1), черенки (2—6). Поселения Крятуонас 1Б (1), Жямайтишке 2 (2—3, 5—6), Жямайтишке 1 (4)

В поселениях у оз. Крятуонас обнаружены разнообразные орудия для обработки ниток. В поселении Крятуонас 1Б найдена трубчатая кость длиной 14,5 см с вырезанными на концах желобками, служившая, очевидно, для наматывания тонкой веревки (рис. 109, 6). Это изделие напоминает деревянную дощечку для плетения сетей с желобками на концах, которая была обнаружена в Горбуновском торфянике [42, с. 24, рис. 8, 5]. Аналогичные изделия найдены на территории поселений Сарнате [5, с. 97, табл. XXV, 3].

Катушка для наматывания ниток обнаружена также в поселении Жямайтишке 2. Она изготовлена из плоской кости с лощеной поверхностью с вырезанными, широкими, дугообразной формы желобками (рис. 109, 4). Она более совершенна, чем катушка из поселения Крятуонас 1Б. Ее длина — 7, ширина — 1,3 см.

Для сетей и привязки поплавков и грузил требовалось много веревок и ниток. О ткачестве свидетельствуют текстильные отпечатки на керамике (см. рис. 63 и др.). Жители территории Восточной Литвы при прядении уже в конце развитого неолита использовали глиняные пряслица. Они обнаружены во всех поселениях у оз. Крятуонас. В каждом из поселений пряслица изготовлены из того же состава теста, что и керамика. Пряслица из поселений ранней группы у оз. Крятуонас (рис. 110, 5—7) плоские, округлой формы, с небольшими отверстиями в центре. Они обнаружены в поселении Крятуонас 1Б. Пряслица из поселения Жямайтишке 2 (рис. 110, 10) шаровидные, неровной поверхности, с небольшим отверстием в центре. В их тесте, как и в нарвской керамике поселений ранней и поздней группы, много толченых ракушек. Пряслица из поселения Крятуонас 1А колесообразной формы, с отверстием в центре. В составе теста много толченого гранита (рис. 110, 1—4, 8—9). Некоторые изделия орнаментированы горизонтально опоясывающими поверхность тройными ломаными линиями. Пряслица, аналогичные находкам из поселений ранней группы памятников, обнаружены в культуре воронковидных кубков в Польше [92, Taff. 111, 14] и в поселении Жуцево [120, с. 22, рис. 21]. Аналогий пряслицам из поселения Жямайтишке 2 в поселениях каменного века Восточной Прибалтики пока не найдено. В Литве такие пряслица, как в поздненеолитических памятниках Крятуонас 1А, были обнаружены лишь в раннем железном веке [100, р. 116].

В домашнем хозяйстве жители поселений среднего и позднего неолита использовали много и других предметов. Среди них — костяной крюк, который был обнаружен в

поселении Жямайтишке 2. В верхней части крюка кость плоская, в ней просверлено отверстие. Внизу, где была изогнутая часть крюка (она отломлена), крюк изменяет плоскость. По форме крюк напоминает большой рыболовный крючок (рис. 109, 5).

Для украшения керамики жители использовали штампы, изготовленные из кости. Такой штамп обнаружен в поселении Жямайтишке 1. Один его конец заострен, на втором — рабочем — конце имеются три пилообразных выступа. При нанесении штампа на мягкую глину получается трехзубчатый штамп, который хорошо известен в украшении керамики из того же поселения (рис. 109, 2).

Интересное костяное орудие обнаружено в поселении Крятуонас 1Б. Это крупная суставная трубчатая кость длиной 22 см, с одной ее стороны имеется дугообразная выемка, которая в результате длительного использования (трение о мягкий материал) достигла центра кости, и при этом образовалось отверстие (рис. 111, 1).

В поселении Жямайтишке 2 обнаружены рукоятки с отверстиями (рис. 111, 2—3). Это многогранные роговые изделия со шлифованной поверхностью; к ним через отверстия крепились разнообразные орудия. Одна сторона изделия делалась плоской для того, чтобы оно хорошо прижималось с обеих сторон к черешку.

Кроме плоских, составленных из двух частей рукояток, в поселении обнаружены роговые рукоятки из одного куска с необработанной поверхностью (рис. 111, 6). Такое орудие во время работы крепче держалось в руке. Среди костяных рукояток в поселении Жямайтишке 1 выделяются рукоятки с растрескиванием. С тыльной стороны имеется отверстие (рис. 111, 4).

СТРОИТЕЛЬСТВО

Об общественно-производящем уровне хозяйства можно судить по строительным сооружениям, их выполнению и назначению.

О планировке поселения сохранилось очень мало данных. Только полное исследование объекта (поселения) может дать ответ на этот вопрос.

В поселении Крятуонас 1Б выделяются места скопления очагов (см. рис. 10). Видимо, эту территорию занимали жилые постройки, в которых проходила более интенсивная хозяйственная деятельность. Территория, на которой производились захоронения, находилась в стороне.

Такая же картина в распределении объек-

тов отмечена и в поселении Крятуонас 1А (см. рис. 8). Интересно заметить, что места захоронений совпадают в обоих культурных слоях. В обоих поселениях обнаружены вымостки из камней, только в культурном слое поселения Крятуонас 1Б они находятся несколько западнее, чем в поселении Крятуонас 1А. Неолитические строительные сооружения, обнаруженные у оз. Крятуонас, по назначению можно подразделить на две группы: жилища и укрепления.

Отдельные остатки столбов диаметром 6—9 см, обнаруженные в культурном слое поселения Крятуонас 1Б, не дают представления о строительном деле. Лишь в средне-неолитическом поселении Пакрятуоне 1Б обнаружены остатки заостренных кольев, образующие одну прямую линию. Рядом с ними обнаружен очаг. По этим признакам можно констатировать, что в среднем неолите крятуонцы строили прямоугольные наземные жилища.

Совсем иная картина планировки поселений характерна для позднего неолита. Поселения Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2 уплотнены. Например, если поселение Крятуонас 1Б занимало около 1 га, то Жямайтишке 1 — до 750 м², а Жямайтишке 2 — до 370 м². Более конкретное представление можно составить о строительстве жилых помещений. Если в поселении Крятуонас 1Б очаги размещены отдельно в разных местах, то, видимо, и отдельные жилища были построены друг от друга на довольно большом расстоянии. В поселениях позднего неолита жилища были расположены компактнее, так как, видимо, изменилась их форма. В поселении Жямайтишке 2 можно выделить пятнадцать строительных сооружений, которые существовали продолжительное время. Интересно проследить специфику строительства так называемых «длинных домов». Стены из двух рядов вертикально вбитых кольев изготовлялись в каждом жилом строительном сооружении поселения Жямайтишке 2 (рис. 112). Между рядами кольев имелось пространство 15—35 см, в котором обнаружены камни, кора, мох. Колья диаметром 2—16 см, расстояние между которыми варьирует от 10 до 50 см, заострены и вбиты в грунт до 0,7—1 м глубины. Они двух видов: у одних верхняя часть «снята» ровно, у вторых — она как бы с плечиками, причем плечики в системе кольев, образующих стену, расположены неравномерно, чаще всего во внутреннем ряду. На них, вероятно, клались не сохранившиеся конструкции, которые могли служить для сооружения перегородок «длинных домов». Предполагаемые перегородки, видимо, служили для разделения помещений, имевших в длину 2,5—3 м; площадь их 4—4,5 м².

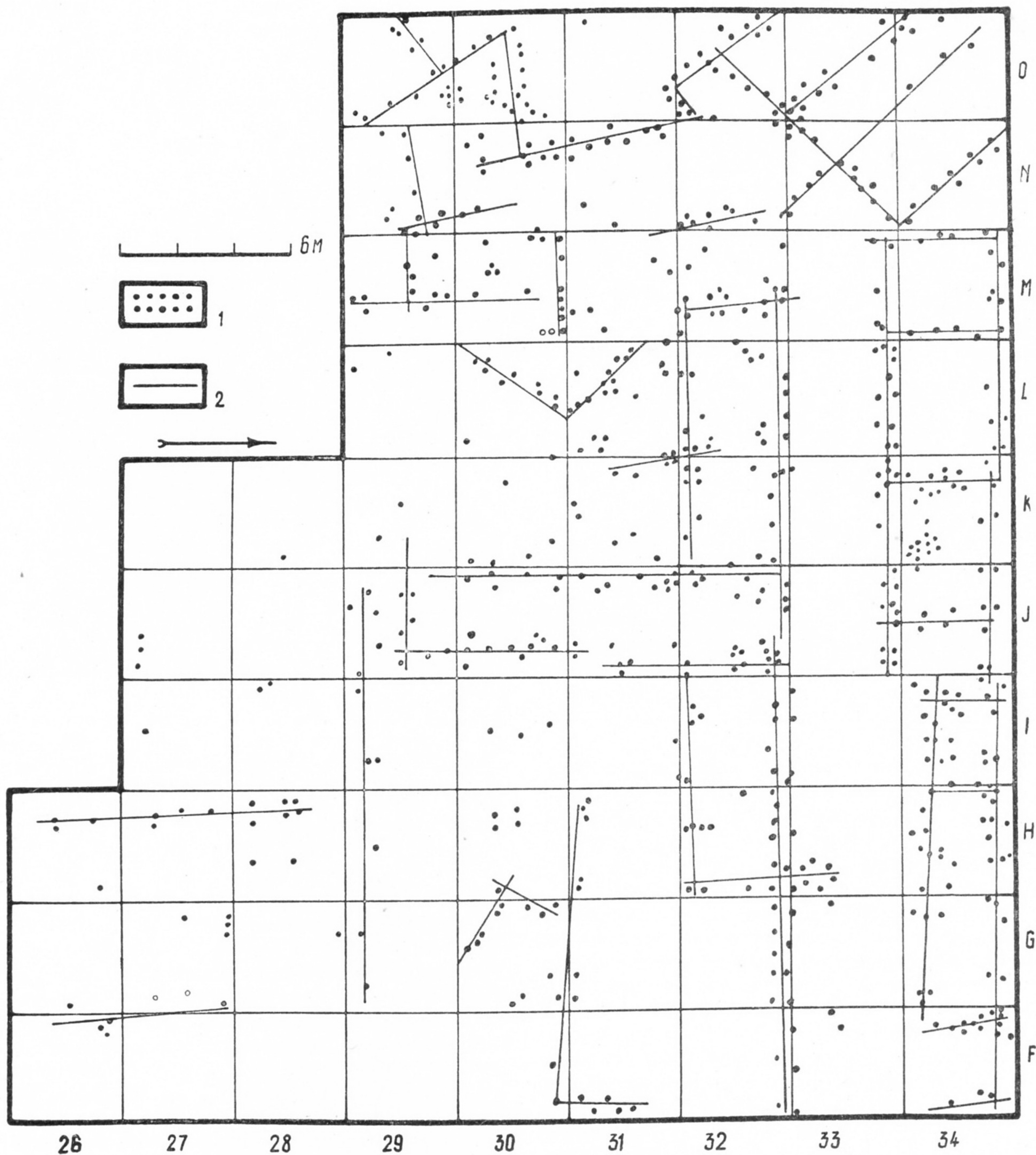

Рис. 112. Остатки строительных сооружений: 1 — вертикально вбитые колья; 2 — реконструированные стены жилых помещений. Поселение Жямайтишке 2

Аналогичные «длинные дома» известны из ранних (I половина 1 тыс. лет до н. э.) городищ, напр. Имбаре (Кретингский р-н) [67, раv. 1, р. 36, 39], где с внутренней стороны укрепленной стены обнаружены жилые и хозяйственные помещения.

При исследовании поселений на территории Литвы остатки прямоугольных построек обнаружены в поселениях среднего — Швянтойи 23 [113, р. 81], позднего — Шарняле [74, р. 57—59, раv. 3], Дактаришке [64, р. 5, раv. 5—8] неолита, а также поздненеолитических

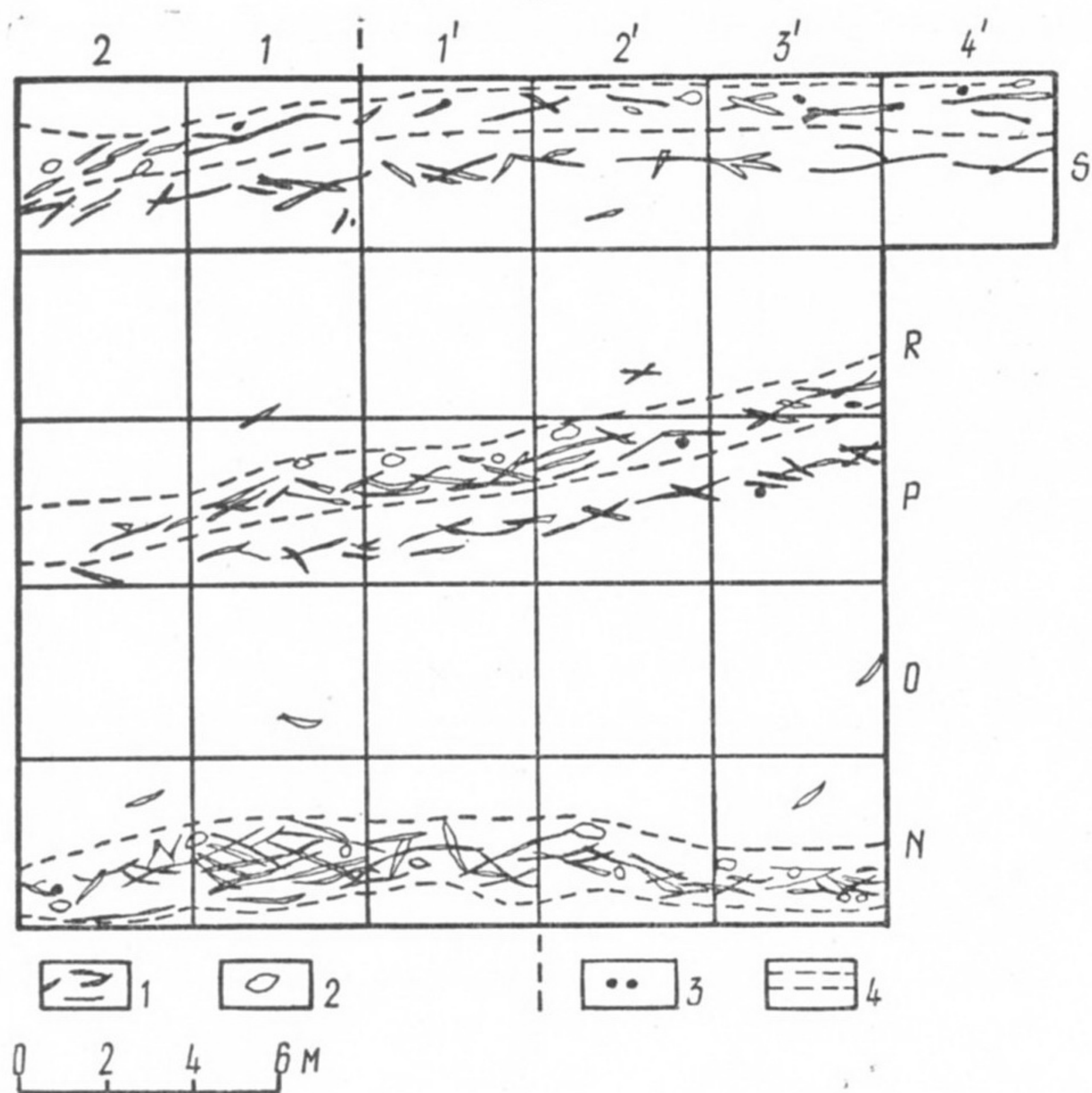

Рис. 113. План остатков ограждений. Поселение Жямайтишке 2: 1 — жерди; 2 — камни; 3 — вбитые колья; 4 — рвы

поселениях Польши — Сухаче (Suchacz) [69, s. 51—52], Жуцеве [130, гус. 38], в Латвии в поселениях позднего — Лагажа, Абора 1, Асне 1, Ейни [31, с. 55—60], среднего — Звидзе [106, att. 3, lpp. 10] и раннего — Сарнате-К [5, с. 35—37] неолита.

Наряду с четырехугольными жилыми постройками известны и полукруглые — в форме шалаша; они обнаружены в поселениях позднего неолита — бронзы Самантонис (Укмергский р-н) [38, с. 119—121, рис. 3—4], Нида [116, р. 236, рау. 130].

На территории бывших сооружений обнаружены очаги. В поселении Крятуонас 1Б их 14. По форме все они одинаковые — овальные, в виде перевернутого конуса, врытые в землю. Некоторые очаги долговременные, толщиной до 0,75—1 м.

Очаги такой формы отмечены в поселениях среднего и позднего неолита в центральной и южной частях Литвы [91, р. 35; 114, Abb. 2]. Аналогичные очаги найдены в поселениях Восточной Латвии — Лагажа, Абора 1 [31, с. 14, 32].

В поселениях позднего неолита у оз. Крятуонас остатки бывших очагов обнаружены в небольших углублениях, содержащих пепел, древесный уголь. Большая их часть размыва водой. Такие очаги обнаружены в поселениях Швянтойи 23 [113, р. 161] и Сарнате [5, с. 37].

Самым интересным следует считать строи-

тельное сооружение в поселении Жямайтишке 1 (рис. 113). В северо-восточной его части обнаружена ограда, исследованная лишь частично. Ограда опоясывала поселение тремя параллельными рядами с расстоянием между ними 4,5—7 м (рис. 117). Остатки стен ограды составляли лежащие ряды жердей, придерживаемые кольями и камнями. Внутренняя стенка ограды была опущена в грунт на глубину 30—45 см. Диаметр жердей достигал 2—15 см, а прямо вбитых кольев — 4—10 см. Ширина внутренней стенки — 95, а рва, в который была опущена стенка, — 105 см. Вторая средняя стенка ограды также построена из жердей и придерживающих их кольев и опущена в грунт примерно на 50 см. С внешней стороны стенки-ограды был вырыт ров шириной до 205 см и глубиной до 100 см. Третья внешняя стенка ограды аналогична второй. Ширина второй и третьей стенок достигала 80—90 см. Рядом с внешней стороной стенки также был вырыт ров шириной до 150 см и такой же глубины. Отрезок исследованной ограды составляет 10—12 м (рис. 114). Ограда опоясывала поселение с северной стороны. По-видимому, западный его конец доходил до воды бывшей лагуны и дальше, в восточном направлении.

Аналогичная ограда, лишь в один ряд, окружала поселение Швянтойи 1А [115, р. 36, 44, рау. 28—33] и была также построена по берегу озера. Один ее конец доходил до озера. Ограда окружала возвышенность, где было поселение.

Укрепления из одного ряда рвов обнаружены в Бронойнице (Юго-Восточная Польша) — поселении, относящемся к культуре воронковидных кубков [96, S. 12, Abb. 3].

Появление длинных домов и укрепленных поселений в позднем неолите связано, видимо, с изменениями в социальной структуре общества.

В позднем неолите племя стало более развитой структурной единицей первобытного общества, ядро которого составляли несколько отдельных семей, живших в определенно замкнутом поселении и связанных не только родственными отношениями, но и общей работой. Работа была специализированной. Гончарным ремеслом, производством кремневых, костяных и каменных орудий занимались отдельные люди или семьи, так как в определенных местах (поселения Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2) обнаружены скопления орудий труда, характерные для одного или нескольких видов промысла. Особенно это характерно для поселения Крятуонас 1А (по трассологическим данным), где вокруг отдельных очагов

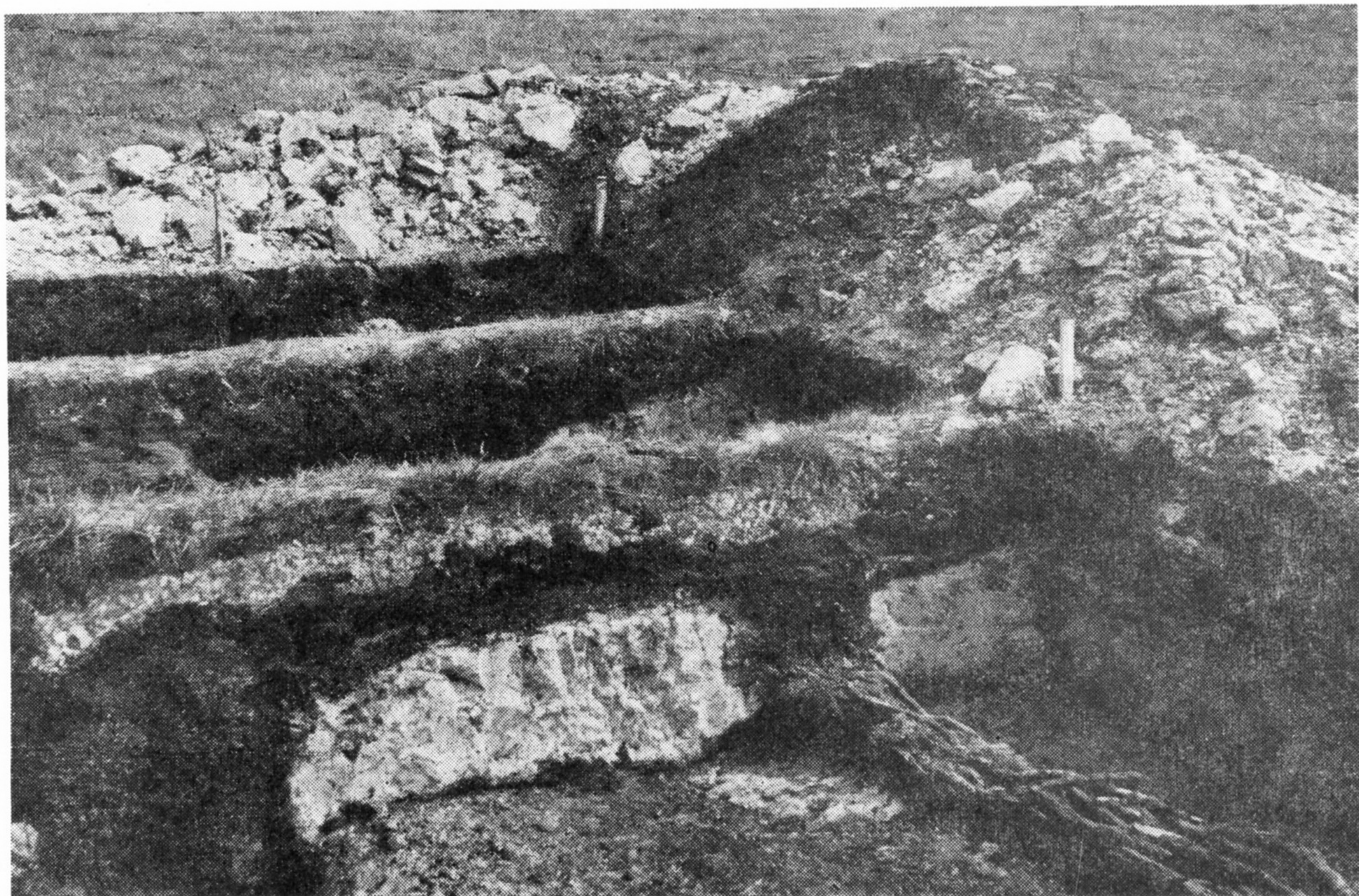

Рис. 114. Внутренняя стена остатков ограждений. Поселение Жямайтишке 1

обнаружены орудия труда, применяемые в одном или нескольких видах промысла: для обработки кости и рога, дерева, кожи, камня*. Но некоторые работы, например строительство, охота, военное дело, были общественным делом.

По сравнению с развитым неолитом сильно изменилась и структура племени. Эти изменения произошли в связи с изменениями в экономике. Появление отраслей производящего хозяйства — скотоводства и зачатков земле-

* К сегодняшнему дню можно указать, что около очагов № 1, 2, 4, 11, 12 во время исследования поселения обнаружено большинство орудий, связанных с обработкой кости и рога, а у очагов 13—15 (рис. 8) — кожи и кремня. Уточнить места, которые связаны с определенным видом промысла, полностью пока невозможно, так как эта работа находится еще в стадии разработки.

деля — вызвало изменения и в общественных отношениях.

С уменьшением площади поселений, а также со строительством укрепленных поселений племенами, без сомнения, стали управлять и руководить сильные авторитетные люди мужского пола. В поздне-неолитическом обществе полностью укоренились патриархальные отношения.

Появление укрепленных поселений в позднем неолите было результатом, видимо, не только складывавшихся новых социально-экономических отношений, но и появления враждебных племен, вторгшихся на территорию восточной части Литвы. Это племена культуры шнуровой керамики, кратковременные поселения которых обнаружены у оз. Крятуонас (Крятуонас 1А, Пакрятуоне 1А, Крятуонас 2 и др.).

ИСКУССТВО

Сведения о духовной жизни охотника, рыбака и земледельца можно получить в результате анализа предметов искусства и погребения. Исследование предметов искусства дает возможность познать духовный мир человека, его верования. В искусстве отражается также окружающий мир, своеобразный характер экономики. Это подтверждается многочисленными предметами искусства, обнаруженными в поселениях среднего и позднего неолита у оз. Крятуонас. Все находки древнего искусства можно подразделить на две группы: украшения и изделия декоративно-изобразительного искусства. Для их изготовления жители окрестностей оз. Крятуонас использовали кость, рог, глину, янтарь.

Среди украшений больше всего распространены подвески, изготовленные из кости, рога, янтаря, зубов животных. Три янтарные подвески обнаружены в поселениях Жямайтишке 1 (рис. 115, 2) и Жямайтишке 2 (рис. 115, 1, 3). Они разной формы. Одна из них напоминает кружок с отверстием в центре и с малым отверстием в кружке для подвешивания (рис. 115, 1). Аналогичные этой подвеске изделия найдены в поселениях Звидзе в Восточной Латвии (рис. 105, р. 73, fig. 14, б) и Осовец II в Северной Белоруссии [52, рис. 14, 23]. Плоские янтарные кружки, в которых просверлены маленькие отверстия, отмечены и на территории Калининградской обл. [95, Taff. IV, 14]. Аналогичные подвески, только костяные, известны у канала Гавел (ГДР) [85, S. 37, Abb. 2 a, d, n]. Вторая подвеска (рис. 115, 2) — в форме плоского эллипсоидного кружка с большим отверстием в центре и с еще меньшим дополнительным отверстием для подвешивания. Такие подвески обнаружены в поселении Эйни в Восточной Латвии [31, табл. LVII, 4]. К этому типу янтарных подвесок можно отнести изделие из Восточной Пруссии (Калининградская обл.), о котором сообщает Р. Клебс [95, Taff. XI, 5]. Третья подвеска — сердцевидной формы с V-образно просверленным отверстием для подвешивания и мелкими зарубками по краям (рис. 113, 3). Такие подвески были распространены в поселениях Восточной Латвии. Одна из них обнаружена в могильнике Звейниекки (мог. 277) [128, lpp. 18, att. 5, 14]. В по-

селениях конца среднего и позднего неолита в Восточной Литве янтарного сырья не обнаружено. Это показывает, что упомянутые янтарные изделия поступали путем обмена с территории Восточной Латвии, где существовал крупный центр обработки янтаря. Все упомянутые формы изделий почти идентичны продукции, изготавливаемой на Лубанской равнине [105, р. 48—82], они отличаются от янтарных изделий из поселений Балтийского побережья [80, р. 119—134].

В поселениях первой и второй групп у оз. Крятуонас много костяных подвесок, аналогичных по форме янтарным. Это — плоский кружок с отверстием для подвешивания в центре и с края, обнаруженный в поселении Жямайтишке 1 (рис. 115, 7). Украшение аналогично янтарной подвеске, обнаруженной в том же поселении (рис. 115, 2). Выделяется ключеобразной формы костяная подвеска с отломленным стержнем (рис. 115, 6). В расширенной плоской ее части высверлены два отверстия. Такой же формы подвески, только янтарные, обнаружены в поселении Абора 1 [105, fig. 4, 1—6], а уплощенно-овальные костяные — в поселениях Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2 (рис. 115, 4, 10). Последние найдены в поселениях Абора 1 [31, табл. XXXIV, 2—3] и Акали [59, рис. 62, 2]. Костяные языковидные, плоские, с зарубками по краям подвески обнаружены лишь в поселениях позднего неолита Восточной Литвы — Жямайтишке 2 (рис. 115, 5) и Восточной Латвии — Абора 1 [31, табл. XXXIV, 4—5]. Выделяется костяная подвеска зубовидной формы из поселения Жямайтишке 2, нижняя ее часть свернута в сторону (рис. 115, 9). Аналогичные, только янтарные подвески обнаружены в поселении Абора 1 [31, табл. LVII, 13].

В поселениях среднего и позднего неолита обнаружены подвески с отверстиями в корнях зубов (рис. 115, 11—12), изготовленные из передних зубов благородного оленя. Такие подвески в поселениях Восточной Прибалтики известны уже по мезолитическим памятникам, в частности Ламасмяги [87, Abb. 78, 9]. Много их обнаружено в неолитических поселениях Восточной Прибалтики — Швянтойи 1В, 3В, 23, 26 [113, раv. 83—84], в Западной Литве, Северной Белоруссии — Осовец II [52, рис. 14, 1—10], Кяэпа [60, с. 208, прилож. табл.

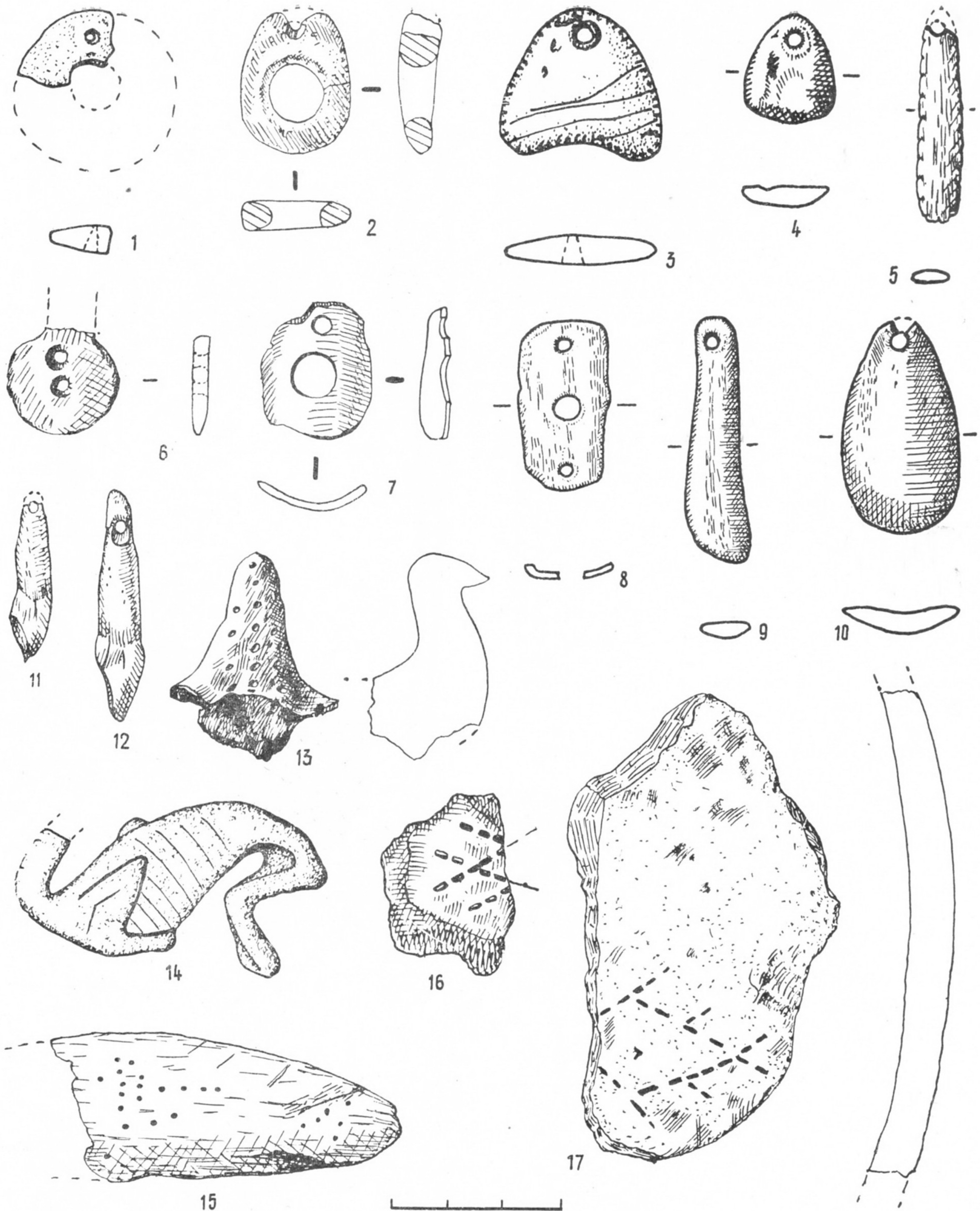

Рис. 115. Подвески из кости (4—7, 9—10), янтаря (1—3), зубов оленя (11—12). Костяной распределитель ожерелья (8), фигурка бегущего оленя (14), глиняная фигурка птицы (13), изображения на керамике рыб (16—17), утка на костяной пластинке (15). Поселения Крятуонас 1Б (12, 16—17), Жямайтишке 1 (2, 7), Жямайтишке 2 (1, 3—6, 8—11, 13—15)

60, 3] — в Эстонии, в могильниках Донкальнис (Литва) [66, р. 30—49], Звейниеки [128, lpp. 13, att. 3, 2—11], Крейчи (Латвия) [124, lpp. 16, tab. 111], Оленьего острова в Онежском озере [8, с. 134—142].

В средне- и поздне-неолитических памятниках найдены две костяные булавки, своеобразные как по размерам, так и по форме. Одна из них — крупная, найдена в поселении Крятуонас 1Б (рис. 116, 2). Стержень ее постепенно сужается, острие отсутствует. Булавка имела ушко, на месте которого сохранился лишь небольшой выступ. Изготовлена она из продольно расколото́й трубчатой кости, поверхность отшлифована лишь в суженной части. Вторая булавка — наиболее крупная, обнаружена она в поселении Жямайтишке 2 (рис. 116, 1). В средней части стержня булавки имеется выступ, в котором просверлено отверстие. Поверхность ее тщательно отшлифована. Прямых аналогий булавкам каменного века, найденным в упомянутых поселениях, пока неизвестно. Булавки более сложной формы, со шляпками и другими элементами обнаружены в поселениях позднего неолита Абора 1 [31, табл. XVI, 10, 11] в Латвии и Арду 2 [119, tab. 105, 8] в Эстонии. Булавки [83, раv. 1, 1—6] обнаружены и в памятниках поздней бронзы в городищах Литвы. Здесь они более изящны и обтекаемы, со шляпками, как и в поселениях ранней бронзы в Латвии — Двиете, Калниеси [14, табл. VII, 1—3]. Есть основание считать, что булавки из поселения Крятуонас 1Б являются самыми древними на территории Восточной Прибалтики.

Среди других костяных украшений в поселении Жямайтишке 2 обнаружен распределитель для ожерелья с тремя отверстиями: большим — посередине и мелкими — с краев (рис. 115, 8). Аналогичный, только янтарный, распределитель щитовидной формы известен из «Палангского клада» [120, раv. 111, 7].

Изделия изобразительного искусства представляют собой изображения зверей, птиц, рыб, пресмыкающихся и людей.

В поселении Жямайтишке 2 обнаружена костяная фигурка оленя, как бы застывшего в момент скачка, у которой не сохранилась головка (рис. 115, 4). Фигурка изготовлена из костяной пластинки. Обе стороны фигурки симметричны, с одинаковым изображением передних ног, подтянутых к телу, и задних, вытянутых как бы в момент брыкания; выявлены ребра и позвоночник. Длина фигурки — 5,5, высота — 3,6 см. По-видимому, это амулет. Такие фигурки обнаружены и в других неолитических поселениях Восточной Прибалтики. Маленькие янтарные фигурки с изображе-

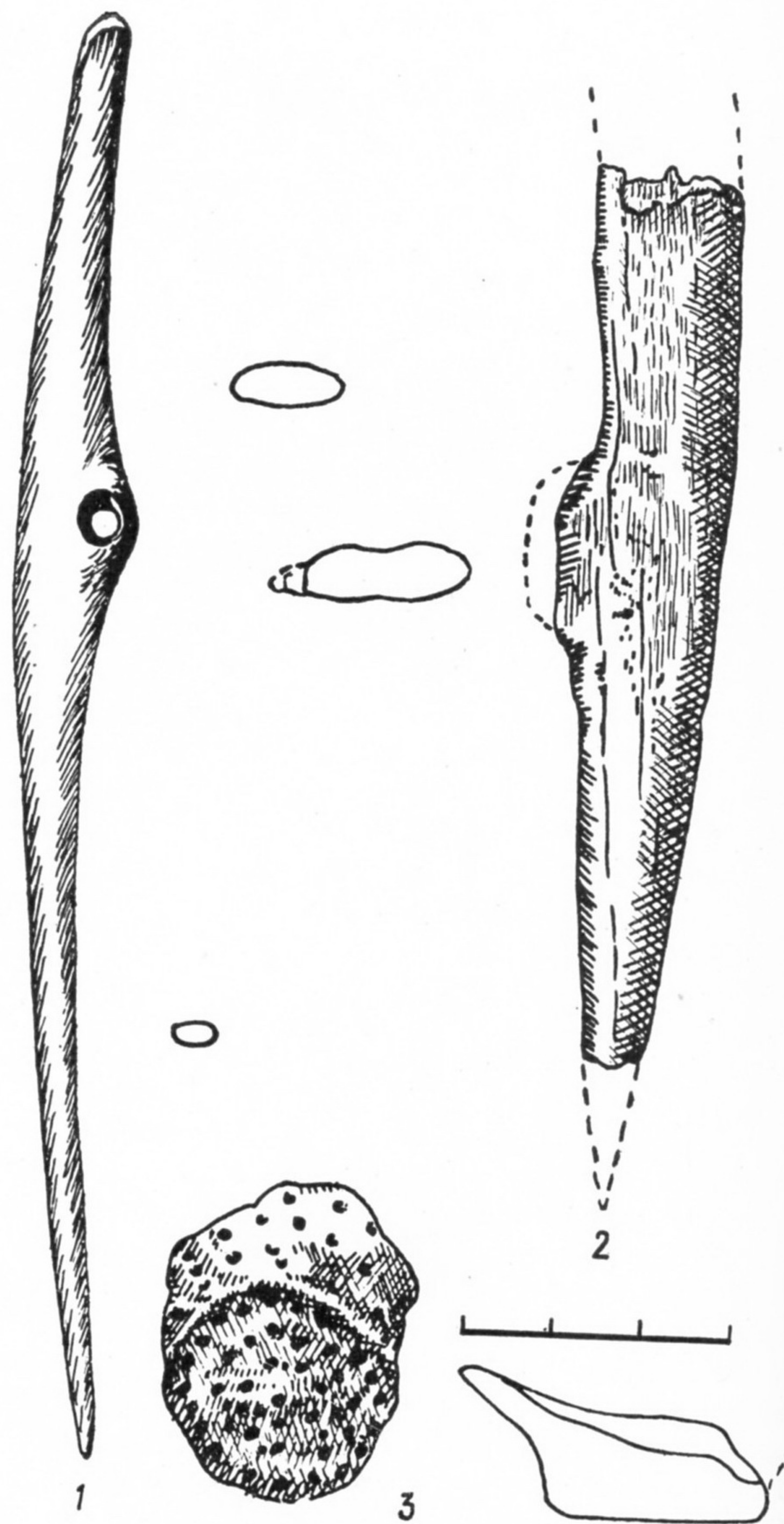

Рис. 116. Костяные булавки (1—2), сосуд с концентрическими кругами на днище и точкой посередине (3). Поселения Крятуонас 1Б

нием лося известны из «Юодкрантского клада» [95, Taff. VIII, 21], а также из Швянтойи 23 [113, раv. 87, 1], Сарнате [5, с. 111, рис. 144, табл. LV, 2] и других поселений. Костяные фигурки лося известны из поселений Абора 1 [31, табл. LII, 8], из устья р. Малмута [30, с. 37, рис. 3, 3, 5; 5, 1], Ринюкалнис [86, pilt. 15]. Самые выразительные роговые изображения лося известны из поселения Швянтойи 3Б [113, раv. 15, 1, 2] и Оленеостровского могильника на Онежском озере [8, рис. 24].

В поселении Жямайтишке 2 обнаружена глиняная фигурка птицы с выявленным клювом и двумя небольшими крыльями; хвост не сохранился (рис. 115, 13). Длина птицы от

клюва до хвоста — 4 см, высота — 3,2 см. На спине птицы тремя параллельными линиями из круглых ямок изображена пятнистость. В этом же поселении обнаружены костяная пластинка, на которой высверленными круглыми ямками изображена утка (рис. 115, 15).

Много птичьих изображений, например на деревянных рукоятках ковшей, обнаружено в поселениях Западной Литвы — Швянтойи 1В, 23 [113, раv. 89, 1, 2]. В поселении Швянтойи 26 найдена глиняная голова утки [113, раv. 87, 7]. Птичьи фигурки обнаружены и в поселениях Латвии — Абора 1 Лагажа [30, с. 33; 31, табл. LI, 3; LII, 1—4], Сарнате [5, с. 103, табл. XXXIX], Эстонии — Тамула [58, рис. 12, 6], а также Усвяты IV (Псковская обл.) [35, рис. 5, 21], у Онежского озера и др. [10, с. 36—45]. Они изготовлены из кости, рога, глины и дерева.

Образ утки в искусстве неолитических племен, без сомнения, отражает характер верований. Рудименты представления об утке как о символе «бесконечности» жизни зафиксированы в литовской народной сказке «Сигуте», где мачеха-ведьма под порогом роет яму с горящими углями, в которую попадает сирота Сигуте, а потом из нее вылетает утка. Видимо, утка — то существо, из яйца которого рождается Вселенная [93, р. 8] или один из структурных элементов мира — Солнце. В этой связи интересна сцена «охотника и уточки» на одном сосуде, обнаруженном в поселении Юревичи III (Литвин I) [26, с. 126, рис. 48], где фигурка «охотника» воплощает антропоморфный образ солнца (на поясе фигурки обозначен солярный знак, который был известен индоевропейским племенам и обозначался кругом, крестом, свастикой, несколькими концентрическими кругами).

С почитанием небесных тел, в частности солнца, связано изображение на плоских днищах сосудов концентрических кругов, состоящих из разнообразных ямок с точкой посередине (рис. 116, 3) или янтарных колец (рис. 115, 1), обнаруженных в поселениях позднего неолита с нарвской керамикой. Аналогичные «подземные солнца» обнаружены на донышках сосудов из фатьяновских памятников [27, с. 134—135, рис. 47—48].

В поселениях среднего неолита в Восточной Литве обнаружены сосуды, на которых изображены рыбы. В поселении Крятуонас 1Б найдены два черепка сосудов, относящихся к нарвской керамике (рис. 115, 16—17); на них видны не входящие в систему орнаментов мотивы. На обоих черепках рыбы изображены в горизонтальном положении. Контуры их состоят из оттисков штампа. Ясно видны надкрылья и хвосты. С данным изображением

рыбы можно сопоставить обнаруженные в поселении Яра 2 изображенные схематически переплетенные волнистые линии [77, раv. 5, 1].

В неолитических поселениях очень редки изображения рыб. По-видимому, они связаны с магическими обрядами. В поселениях Лубанской равнины обнаружены фигурки рыб — части предметов, использовавшихся в быту [30, рис. 4, 1, 2; 5, 2, 3; 31, табл. LI, 10], а также костяные скульптуры из поселения в устье р. Мальмута [107, lpp. 91, att. 66] и Нарва I в Эстонии, использовавшиеся как блесны [9, рис. 95, 7].

В поселениях среднего и позднего неолита у оз. Крятуонас обнаружено много изображений на кости и роге, выполненных нарезками. Это искусство символическое по форме и магическое по направленности.

В поселении Жямайтишке 2 обнаружен костяной биконический орнаментированный наконечник (рис. 117, 1) длиной 23,2 см. На самом широком месте наконечника вырезаны два горизонтальных пояса, один рядом с другим, которые опоясывают наконечник. Пояса украшены сеточкой. Ниже этих поясов, в верхней части черешка наконечника, имеются еще пять горизонтальных линий, связанных с двумя упомянутыми поясами. Несколько ниже просверленными круглыми ямками схематично изображена гадюка с головкой. Головка гадюки доходит до нижней, одной из пяти, горизонтальных линий, туловище ее извилисто протянуто вниз. По обе стороны от гадюки в вертикальной позе изображены, по-видимому, две пары стилизованных фигур человека; изображения выполнены горизонтальными нарезками, в одном столбике — 32, другом — 36 нарезков. Вверху и внизу столбики заканчиваются двумя парами косых нарезков, изображающих как бы ноги и руки. Еще ниже вырезаны столбики из горизонтальных нарезков, аналогичные верхним. В одном столбике — 23, во втором — 17 нарезков. Верхняя часть правого столбика имеет косые нарезки. Нижние косые нарезки не одинаковы. В нижней части они заканчиваются спаренными косыми нарезками, промежуток между которыми заполнен горизонтальными нарезками. Еще ниже композицию завершает вторая гадюка, обвивающая нижнюю часть черешка. Что могла изображать эта сцена? По-видимому, такой наконечник не использовался во время охоты, так как он обнаружен на территории поселения.

Изображение вместе людей и гадюк, по всей вероятности, связано с магическим представлением о жизни и плодородии, так как в фольклоре балтских народов пресмыкающиеся являлись символом жизни и плодородия и считались божественными [102, р. 30]. Ав-

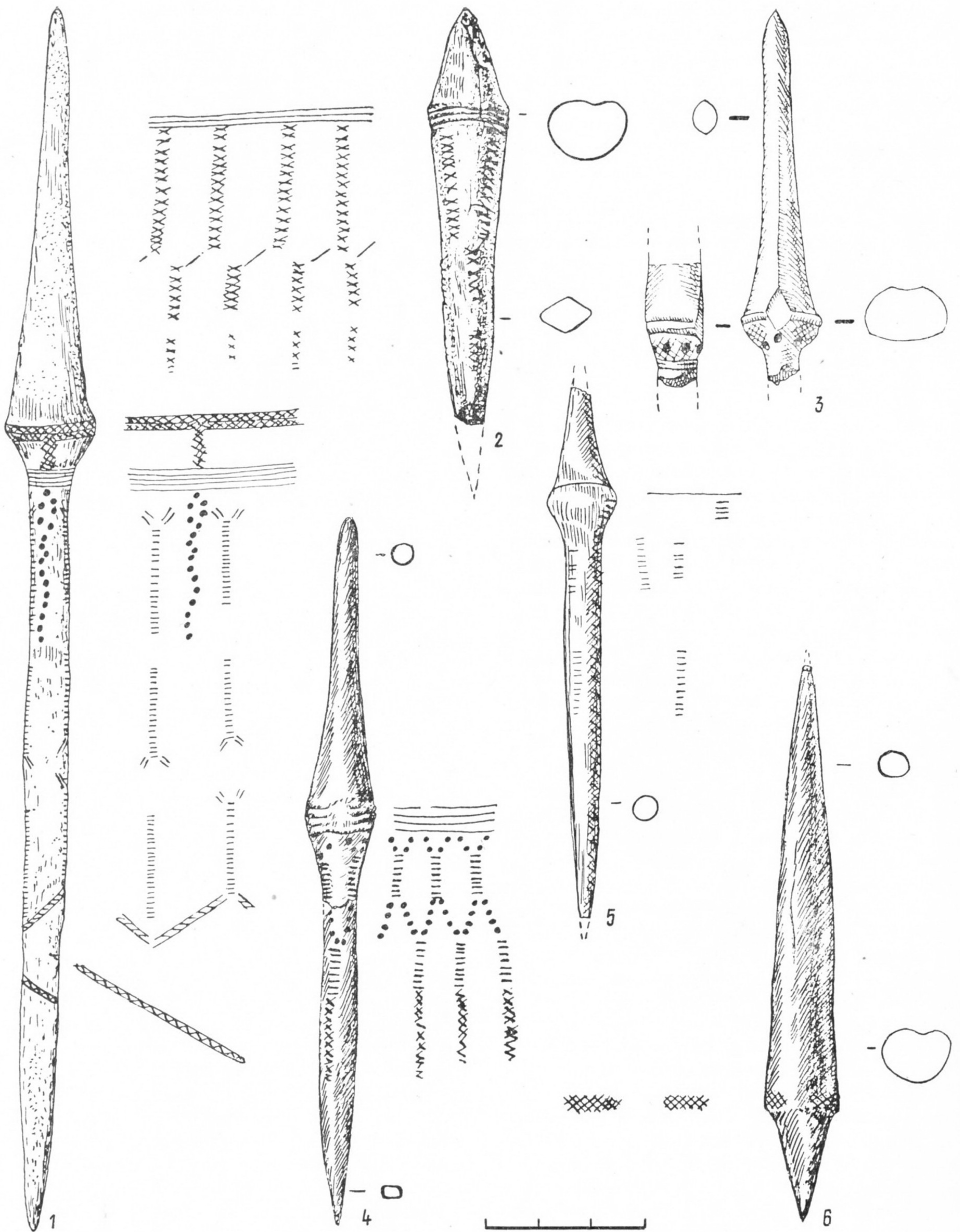

Рис. 117. Орнаментированные костяные биконические наконечники. Поселения Крятуонас 1Б (5, 6), Жямайтишке 1 (3), Жямайтишке 2 (1, 2, 4)

тор композиции, вероятно, объединил эти символы с жизнью группы людей. Такой наконечник, скорее всего, был амулетом. В том же поселении обнаружен второй биконический наконечник стрелы, на котором вырезаны столбики, состоящие из крестиков (рис. 120, 2). В поселении Жямайтишке 1 найден биконический наконечник стрелы, у которого верхняя часть черешка орнаментирована высверленными круглыми ямками, сгруппированными по две с четырех сторон (рис. 117, 3).

В поселении Крятуонас 1Б обнаружены два орнаментированных наконечника: один — сеточкой (рис. 117, 6), а на черешке второго изображена такая же сцена, как и на наконечнике из поселения Жямайтишке 2 (рис. 117, 5). В самом широком месте, переходящем из черешка в острие, вырезано пять горизонтальных линий. Ниже высверлены 12 круглых ямок, сгруппированных по две в три пары, которые создают изображение поднятых рук. От каждой пары ямок вниз вырезано три вертикальных столбика из горизонтальных врезок — в каждом по восемь. Ниже каждого столбика расходятся две линии из высверленных ямок. В каждой линии по четыре ямки, которые создают изображения ног. По-видимому, это схематически изображены руки, туловище и ноги людей. Ниже от каждой соприкасающейся пары ног ответвляются три вертикальных столбика, в каждом из которых по 16 врезок — 8 горизонтальных и 8 крестовидных. Должно быть, последние столбики — это схематические изображения пресмыкающихся. Изображение на наконечнике людей и пресмыкающихся также имело символическое значение. Вероятно, наконечник тоже использовался как амулет.

Аналогичный наконечник, только менее орнаментированный, с вертикальными столбиками из горизонтальных врезок обнаружен в поселении Шарняле [74, раv. 8, 7], а из крестиков — в Паланге [99, р. 37, раv. 5, 3]. Других орнаментированных наконечников в материале каменного века Литвы не обнаружено.

Изображения пресмыкающихся на костяных предметах известны уже с конца палеолита [119, Taff. 5, 8; 6, 2, 9] и в мезолитической кундской культуре из памятников Тырвала Эстонской ССР [87, Abb. 75, 4]. Известны они и из поздненеолитического памятника Латвии Абора 1 [31, табл. LIII, 6]. Гадюки изображены и на стенках сосуда, обнаруженного в поселении Швянтойи 3В [113, раv. 88, 1]. Встречаются изображения гадюк в виде фигурок, изготовленных из кости и рога. Такие фигурки найдены в поселениях Абора 1 [31, рис. 77] и Тамула [88, fig. 4, 10]. Костяные

фигурки с изображением змей обнаружены в Оленеостровском могильнике [8, с. 220, рис. 120, 4—5]. Интересно заметить, что аналогичные нарезки на костяных и роговых наконечниках обнаружены в большом количестве в поселениях неолита у оз. Лубана [107, lpp. 40, att. 12a].

Изображение, напоминающее человеческое лицо, имеется на одной стороне рогового топора. Возможно, оно получилось случайно при изготовлении топора (рис. 71, 5). Стилизованные изображения человека из янтаря и на керамике обнаружены в поселениях Швянтойи 23 и Нида [107, lpp. 127, att. 94; 113, раv. 73, 2, раv. 93], в «Юодкрантском кладе» [95, Taff. VI, 11]. Не случайно в поселениях первой и второй групп у оз. Крятуонас обнаружены на наконечниках схематически изображенные фигурки людей, что соответствовало художественному стилю того времени.

Исследовав художественное наследие конца среднего и позднего неолита на территории Восточной Литвы, можно заключить, что основное место в духовной жизни охотника и рыболова занимал культ зверей. Маленькая фигурка зверя и зубы-амулеты отражают магический взгляд жителей на зверей. К ним можно отнести и глиняную фигурку птицы, изображенную на костяной пластинке утку, а на сосудах — рыбы. Звери, птицы и рыбы для неолитического человека имели большое экономическое значение. Культ их закономерен.

Об абстрактном мышлении человека среднего и позднего неолита свидетельствует тот факт, что отдельные схематические изображения были часто сведены в одно целое. В таких сценках заключался уже целый рассказ, который имел магический смысл для владельцев наконечников. На наконечниках повторяются числа врезок — 2, 3, 5, 8, 12, 16, 32, 36.

Можно констатировать, что искусство у крятуонцев было связано с действительностью, которая отражалась в их сознании в разных формах. В искусстве крятуонцев это обусловило наличие двух стилей — реалистического и символического. В тесной связи и взаимодействии с реалистическим содержанием искусства находится его эстетическая ценность.

В то же время в сознании крятуонцев существовали и иррациональные представления об окружающем мире, питавшие их мировоззрение. И эта иррациональная фантастика была неразрывно связана с той же реальной действительностью, которая питала реалистическое искусство.

Первобытная магия, отражением которой следует считать рисунки на наконечниках стрел, резко отличалась от сложившихся позднее чисто религиозных представлений о Все-

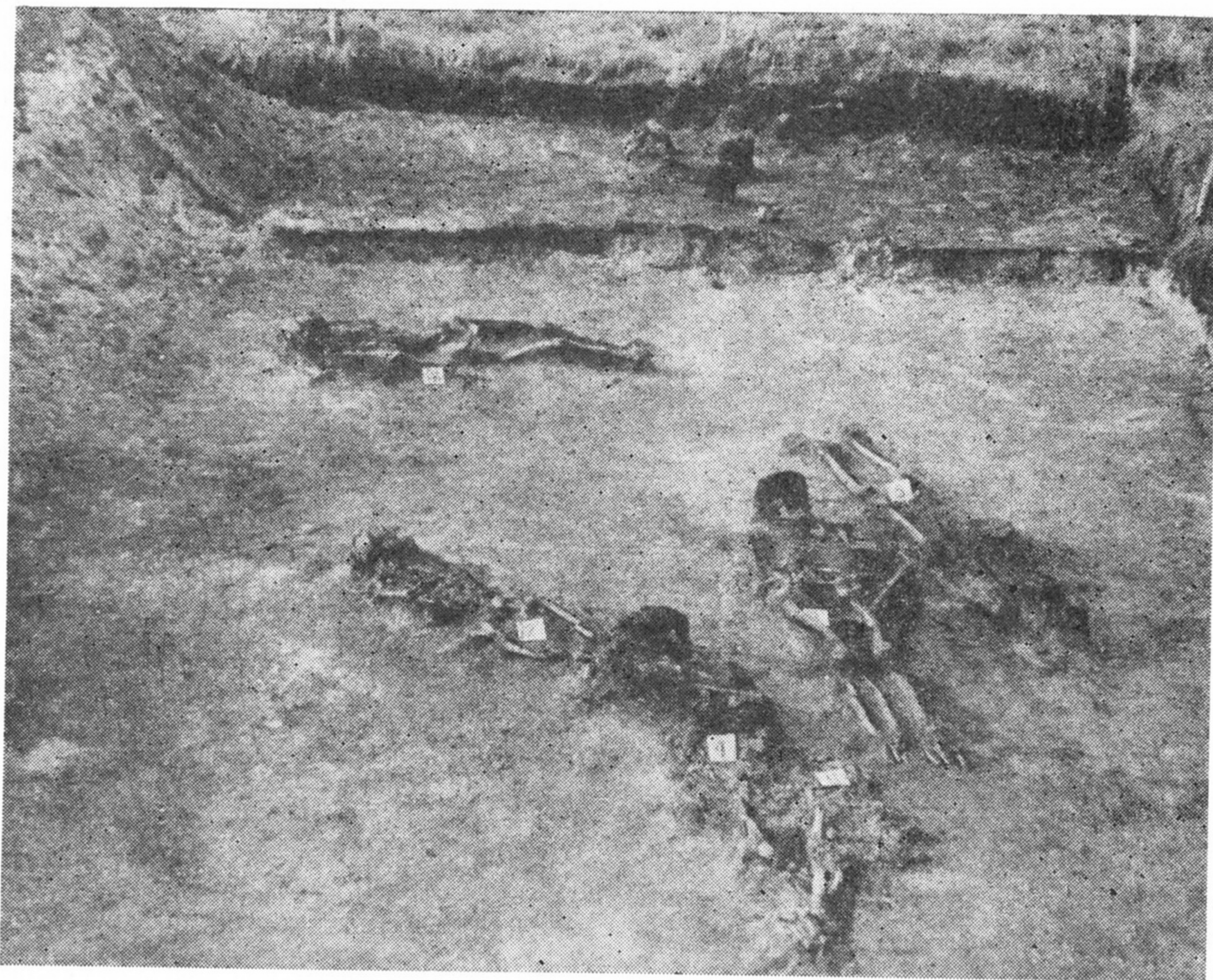

Рис. 118. Групповое захоронение. Поселение Крятуонас1Б

ленной и подавляющей власти божества. Участники магических обрядов, видимо, стремились добиться своих целей с помощью магических приемов, этой магической «техники».

Учитывая все сказанное, можно резюмировать, что искусство имело положительное воздействие на общественную жизнь крятуонцев. Оно содействовало укреплению внутренних связей в первобытной общине, поскольку его идейной основой являлись мировоззрение охотников и рыболовов и первобытная охотничья и рыболовная магия.

ЗАХОРОНЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Источником для понимания верований и погребального обряда жителей среднего и позднего неолита у оз. Крятуонас являются материалы из погребений в поселениях Крятуонас 1А и Крятуонас 1Б.

В северо-восточной части поселения Крятуонас 1Б (III площадь), в 4 м южнее погребения в поселении Крятуонас 1А, при вскрытии культурного слоя на глубине 40—45 см от поверхности обнаружено шесть погребений с труположениями (рис. 118).

Погребение № 1 (кв. О₄₆) обнаружено

на глубине 45 см от современного поверхностного слоя земли и 5 см от поверхности культурного слоя Б. Умерший лежал на спине в вытянутом положении головой на юго-запад (259°). Длина костяка — 156 см. Левая рука согнута, а кости пальцев обнаружены на тазе. Правая рука вытянута, череп разрушен. Под головой и спиной умершего обнаружен темный слой толщиной 0,4 см, площадью 67×45 см. Под предплечьем правой руки находился костяной кинжал (рис. 118, 1), который лежал параллельно вытянутому костяку острием в сторону ног. Это погребение женщины 25—30 лет (Г. Чеснис) (рис. 119).

Погребение № 2 (кв. О₄₇) обнаружено на глубине 40 см от современного поверхностного слоя земли и 3 см от поверхности культурного слоя Б. Умерший лежал на спине, головой на северо-запад (311°). Длина костяка — 168 см (рис. 119). Череп разрушен. Руки согнуты, кости пальцев обнаружены на тазе. На вытянутых ногах лежал череп погребенного № 4. В 18 см на северо-восток от левой ноги покойника и черепа покойника № 4 обнаружено пятно красной охры толщиной 0,8—1 см, размером 20×24 см. У погреб-

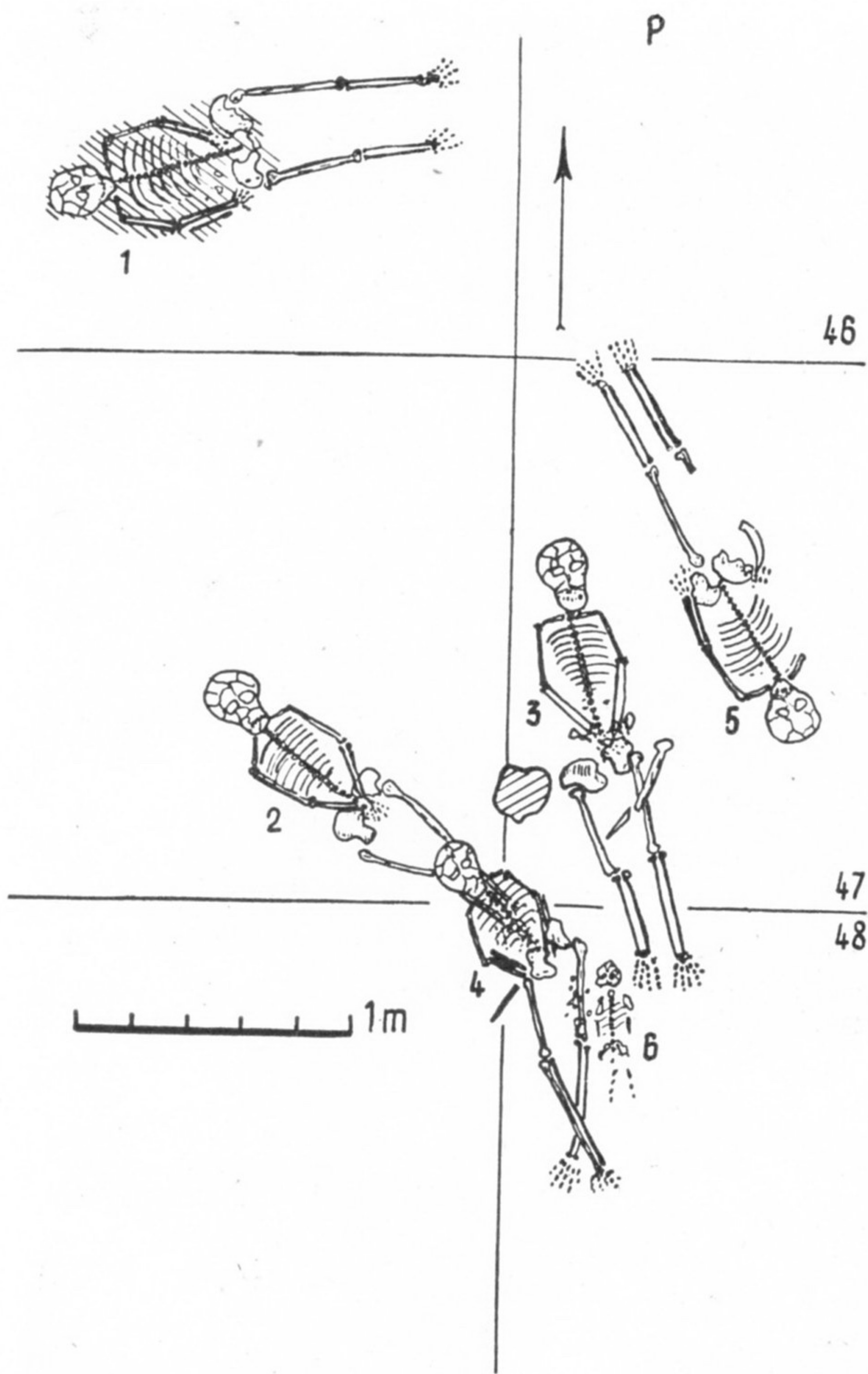

Рис. 119. План захоронений. Поселение Крятуонас 1Б

бенного № 2 в грудной клетке обнаружен кремневый ланцетовидный наконечник, лежащий острием в сторону черепа (см. рис. 17, 38). Это погребение подростка мужского пола 14—16-летнего возраста.

Погребение № 3 (кв. P₄₇ и P₄₈) обнаружено на глубине 43 см от современной поверхности и 2 см от поверхности культурного слоя Б. Умерший лежал на спине головой на северо-запад (349°). Длина костяка — 185 см. Руки согнуты, череп разрушен. В области виска и горла обнаружено два зуба лошади. Это погребение мужчины 50—55-летнего возраста (рис. 119).

Погребение № 4 (на стыке кв. O₄₇, P₄₇, O₄₈, P₄₈) обнаружено на глубине 41 см от поверхности земли. Голова и грудная клетка ориентированы на северо-запад (311°), таз и ноги — на юго-восток (169°). Череп обнаружен на ногах умершего № 2. Длина костяка — 165 см. Большие берцовые кости ног скрещены. На тазе и рядом с ним с левой стороны обнаружены костяки захоронения

№ 6, а с правой стороны около таза — костяной кочедык (долото?) острием к внешней стороне (рис. 119). Это погребение мужчины старше 55 лет.

Погребение № 5 (кв. O₄₇, O₄₈) обнаружено на глубине 44 см от поверхности земли и 4 см от поверхности культурного слоя Б. Умерший лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-восток (153°). Длина костяка — 177 см. Правая рука лежала на ногах погребенного № 3, левая — вытянута вдоль бока. Рядом с тазом с правой стороны острием в сторону головы лежал клык кабана (рис. 120). Это погребение мужчины 25—30 лет (рис. 119).

Погребение № 6 (кв. P₄₈) обнаружено рядом с погребением № 4 с левой стороны. Костяки сохранились плохо. Можно лишь уяснить, что умерший был ориентирован головой на север. Это погребение ребенка до 3 лет (рис. 119).

Удалось установить, что в целом это групповое захоронение и, по-видимому, одновременное.

Как видно из описания, женское погребение № 1 находилось отдельно от мужских погребений № 2—5 и детского № 6. Все мужские костяки ориентированы головой на северо-запад, за исключением погребенного № 5, который ориентирован на юго-восток; женское захоронение ориентировано головой на юго-запад. При таком расположении костяков ясно, что и погребенный ребенок (до 3 лет) был мужского пола. Ориентировка женского костяка № 1 и мужского № 5 позволяет сделать вывод, что они имели между собой какие-то более тесные отношения. При этом сходится и их возраст.

Для понимания существовавшего тогда погребального ритуала и проявляющегося в нем характера верований существенно установление связи захороненных с поселением. Было ли совершено захоронение в то время, когда в поселении еще жили люди или после того, как они бросили его? На этот вопрос трудно ответить, так как контуры могильных ям проследить не удалось. Очевидна лишь ненарушенность перекрывающей захоронения прослойки белого песка, залегающего выше культурного слоя Б. На связь захоронений с поселением указывает идентичность погребального инвентаря с инвентарем из поселения Крятуонас 1Б. Это кинжал, кочедык, заостренный клык кабана, а также кремневый ланцетовидный наконечник, каких в поселении Крятуонас 1Б особенно много.

Захоронение в черте поселения — явление довольно типичное для неолитических поселений Восточной Прибалтики — Нарва I, III,

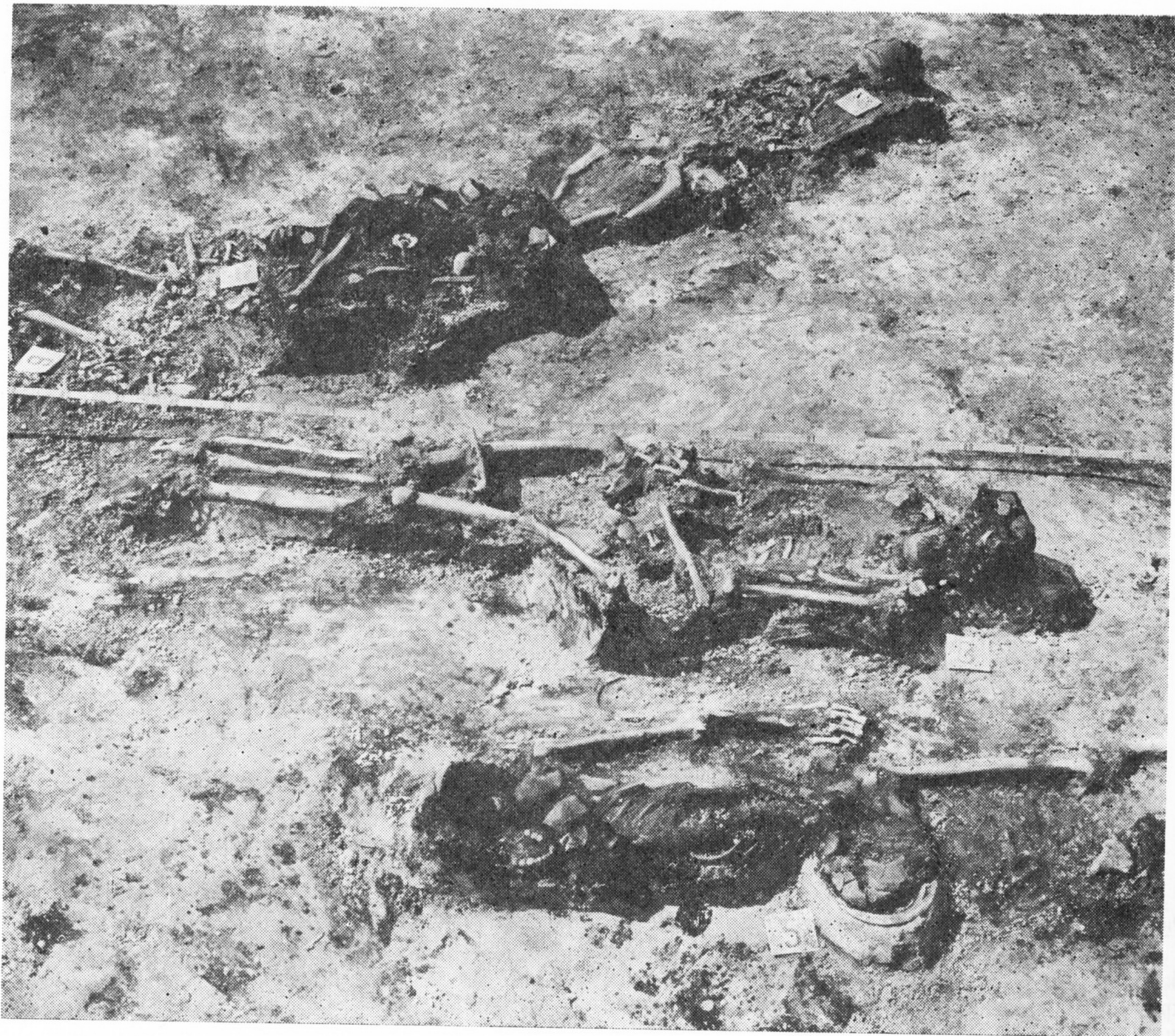

Рис. 120. Погребение № 5 с погребальным инвентарем (клык кабана). Поселение Крятуонас 1Б

Тамула, Валма, а также для других неолитических памятников лесной полосы европейской части СССР — Кубенинский [47, с. 29—46], Языковский, Володарский [9, с. 169], Репище [25, с. 63—71]. В поселениях или в покинутых землянках хоронили своих соплеменников жители культуры воронковидных кубков, в поселениях — жители культуры шнуровой керамики злотской группы, а также и жители поморской (жуцевской) культуры.

Таким образом, община и после смерти своего члена могла считать, что умерший продолжал и дальше жить среди них.

Доказательством того, что своих родственников хоронили на территории поселения или жилища, являются данные фольклорных источников. Это широко известное повествование о жертвоприношениях при строительстве

домов или замков, а также сведения о вырытой под порогом жилищ яме с горящими углями (литовская народная сказка «Сигуте»). Порог как бы символизировал грань между живущими здесь (на земле) и там (на «том свете»). Интересна и такая археологическая деталь. При раскопке поселения в Сухаче (ПНР) недалеко от дверного проема обнаружено погребение головы с инвентарем [69, S. 53, 76].

Между костяками № 2, 4 и № 3 (рис. 119) обнаружено небольшое углубление 20×24 см, глубиной 0,8—1 см, заполненное охрой. Его, видимо, можно считать символическим очагом, сооруженным для всех погребенных. Аналогичные погребения с остатками очагов, где огонь имитирует красная охра, обнаружены в могильнике Большого Оленьего острова на

Онежском озере [8, с. 230] и в могильнике на жертвенной горе Донкальнис (ЛитССР, Тельшяйский р-н) [65, р. 26—28; 66, р. 35—37]. Такие очаги символизировали огонь, а охра воплощала живительную роль крови. О большой роли охры в различных культовых церемониях, а также в церемониях захоронений известно со времен палеолита. Интересно, что в поселениях среднего неолита, как и в могильнике Звейниеки [128, lpp. 14—19], охра в погребальном обряде уже изредка применялась, хотя отдельные захоронения с охрой известны еще в эпоху позднего неолита и бронзы [65, р. 26—28]. Широкое использование охры в быту и, видимо, для ритуалов известно по карельским неолитическим поселениям, где обнаружены значительные запасы охры в культурных слоях [8, с. 230]. Из этнографических данных известно, что охру применяли в праздничных церемониях «очищения» тела, и на все окрашенное красным цветом ставилось табу [29, с. 210—211].

Связь охры с огнем очага, т. е. ритуал очищения огнем, в погребениях у оз. Крятуонас была символической. Этот символ со временем был, видимо, «забыт» и заменен водой. До середины XX в. существовал обычай обмывания водой роженицы и новобрачной в бане, который был известен еще до второй мировой войны в Швенчёнском р-не [68, р. 61—64].

В поселении Крятуонас 1А при вскрытии культурного слоя найдено погребение с трупосожжением в урне (рис. 121). На глубине 10—15 см от поверхности на стыке квадратов О₄₅ и Р₄₅ обнаружены сложенные в кучу камни, на глубине 20 см — стенки урны, которая лежала на боку отверстием к юго-западу. Рядом с ее отверстием с наклоном в 70° лежал плоский камень, который, видимо, прикрывал отверстие урны. С северо-западной стороны открылись сложенные кучей камни, на одном из них, с плоской поверхностью, стояла урна. Около отверстия урны находились обушок небольшого каменного топорика четырехугольного сечения (рис. 82, 3), мелкие кусочки угля и обгоревшие кости человека. Юго-западная часть каменной обкладки была разрушена при пахоте под посадку леса. Урна с обкладкой из камней обнаружена в верхней части бывшего, надо полагать, кострища площадью 1,5×1,9 м. В разрезе кострище напоминало неправильный треугольник, глубина которого достигала 1 м. В кострище обнаружены обгоревшие камни, мелкие кости животных.

Урна полностью не сохранилась, уцелели днище и часть стенок. По форме она напоминает кубок с повышенным днищем и расширяющимися кверху стенками (рис. 122). Высота уцелевшей урны — 10,5, ширина от-

Рис. 121. Урна in situ. Поселение Крятуонас 1А

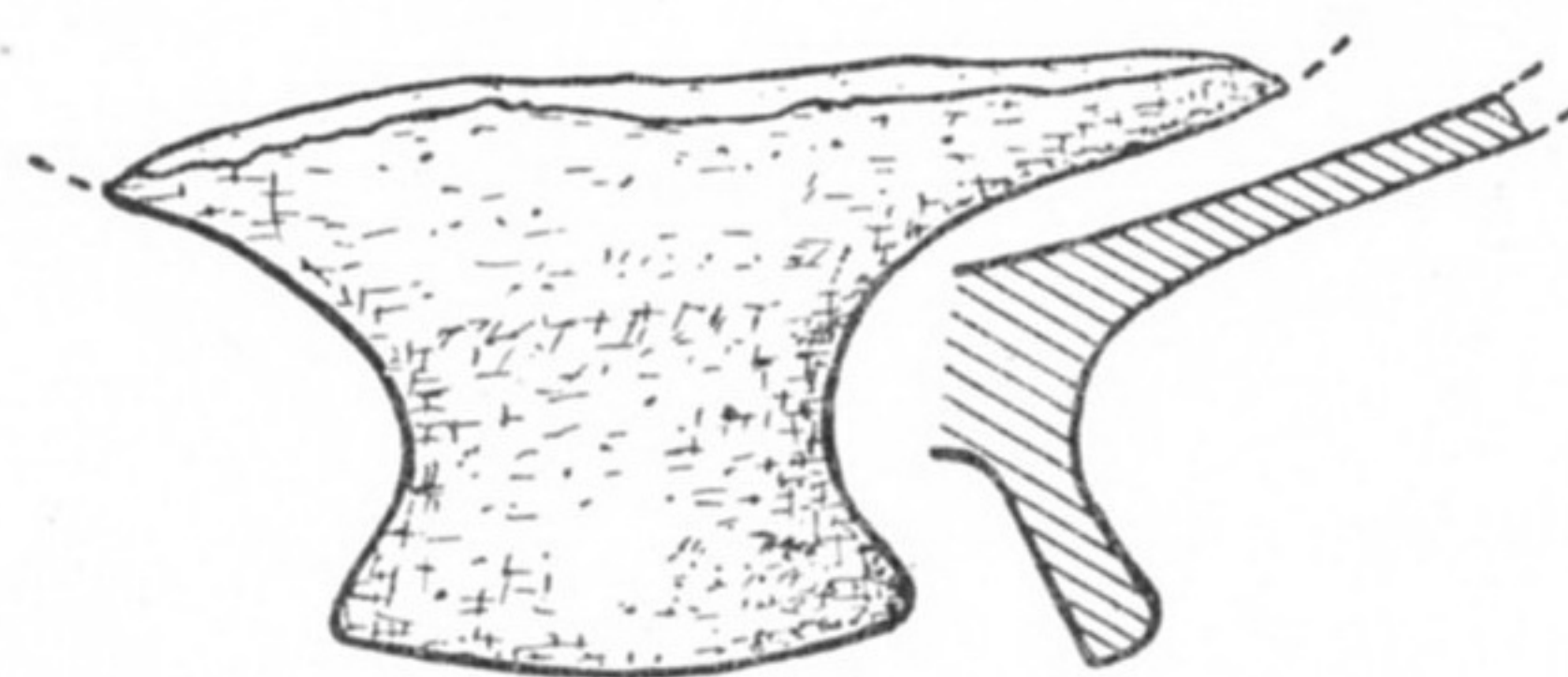

Рис. 122. Урна. Поселение Крятуонас 1А

верстия — 22 см. Состав теста, из которого изготовлена урна, аналогичен тесту керамики из верхнего культурного слоя.

Похожие захоронения с обкладкой урны камнями, но с сооруженными над ними курганами, обнаружены уже в среднем и позднем бронзовом и раннем железном веке в западной части Литвы и Калининградской обл. (Самбийский п-ов) [84, р. 48, раб. 21]. Аналогий урне в Восточной Прибалтике в памятниках каменного века пока не обнаружено. Похожие глиняные изделия известны в кругу дунайских культур в Польше — в группе оцицкей [98, 1979, rys. 50, s. 112].

На территории восточной части балтской культуры захоронения до IV в. н. э. пока неизвестны, за исключением могильника Ланкишкес (Родуньский р-н, БССР), который по обряду захоронения близок крятуонскому, а хронологически, видимо, относится не к раннему железному веку [100, р. 125—126], а к бронзе. Если сопоставить обряды захоронения из поселения Крятуонас 1А с захоронениями с обкладкой урны камнями из западной балтской территории второй половины бронзового и раннего железного веков, то они почти идентичны. Таким образом, зарождение обрядов захоронения в урнах можно отнести уже к позднему неолиту или ранней бронзе с формированием на ее территории культуры штрихованной керамики.

Глава IV

КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Новейшие исследования памятников среднего и позднего неолита на территории крятуонского бассейна дают возможность проследить непрерывное развитие материальной культуры с конца среднего неолита до начала бронзового века. Из полученного материала видно, что в среднем неолите на территории Восточной Литвы прослеживается лишь одна нарвская культура, на которую определенное влияние в разное время оказывали культуры неманской, гребенчато-ямочной и шнуровой керамики.

Основными источниками при решении этнических вопросов являются археологические, лингвистические и антропологические данные.

Среди археологического материала важнейшее место принадлежит керамике. Исследования показали, что керамика из ранней группы поселения имеет все основные черты формы и орнаментации керамики раннего и среднего неолита северо-восточной части нарвской культуры. Это низкие и широкие остродонные сосуды с шейками I и C формы, продолговатые овальной формы миски-лампочки (1 и 5-я формы) со своеобразной орнаментацией, в тесте которых преобладают толченые ракушки и растительные примеси, орнаментные мотивы из круглых, четырехугольных, зернообразных оттисков, обнаруженные на ободках сосудов и на внутренних и внешних стенках несколько ниже ободка. Они характерны и для ранней нарвской керамики из поселений Нарва I, Нарва III, Нарва-город, Кяэпа, Акали, Каламяги в Эстонии, Оса — в Латвии и Яра 1, Яра 2 — в Литве, развитого неолита — Пиестиня в Латвии.

Однако увеличение числа сосудов с шейками формы S и плоскими днищами, орнаментных мотивов из шнуровых и гребенчатых оттисков, появление минеральных примесей в тесте керамики Восточной Литвы в поселениях ранней группы показывает, что во второй половине III тыс. до н. э. на территории Восточной Литвы началось влияние культур гребенчато-ямочной, а позднее и шнуровой керамики. Поэтому в керамике из поселений ранней группы более разнообразная орнаментация сосудов, чем в остальных поселениях северо-восточной части нарвской культуры раннего неолита. Исследуя орнаментацию нарвской керамики из поселений конца сред-

него неолита в Восточной Литве и исключив основные орнаментные мотивы, характерные для гребенчато-ямочной и шнуровой керамики, видим, что преобладающими остаются орнаментные мотивы, характерные только для нарвской культуры раннего и среднего неолита. Значит, нарвскую керамику из поселений Восточной Литвы конца среднего неолита можно выводить непосредственно из ранне-неолитической керамики нарвской культуры.

Очевидно, в нарвской керамике Восточной Литвы из поселений поздней группы прослеживаются все традиции орнаментации и исполнения формы сосудов конца среднего неолита. В керамике из поселений поздней группы остаются те же формы сосудов, только изменяется их количественное соотношение. В орнаментации сосудов остаются мотивы из четырехугольных, зернообразных, круглых ямок, но относительно увеличиваются и другие мотивы, связанные с орнаментацией шнуровой и гребенчато-ямочной керамики. В материалах памятников бассейна оз. Крятуонас и памятников северо-восточной части нарвской культуры среднего и позднего неолита прослеживается больше общих, чем различных черт.

Много общего имеет материал из поселений среднего неолита бассейна оз. Крятуонас с инвентарем из нижнего слоя стоянок Кривинского торфяника, а также с памятниками нарвской культуры диснинского варианта [23]. Как и в восточнолитовских памятниках, в нем преобладают остродонные сосуды с прямыми венчиками. В тесте — растительные остатки и толченые раковины, поверхность слабо штрихованная. Края венчиков состоят из насечек, зернообразных ямок, которые на поверхности сосуда образуют горизонтальные зоны. Имеется определенное сходство и в кремневых изделиях. Встречаются черешковые, ромбические и листовидные наконечники, концевые скребки, ножевидные пластинки. Как и в Восточной Литве, заметна относительная немногочисленность кремневых изделий, что объясняется бедностью местных запасов сырья. Для жителей кривинских поселений, как и для жителей Восточной Литвы, кость, рог и дерево являлись основным сырьем для изготовления орудий труда и предметов домашнего обихода.

Очень велико сходство средненеолитической нарвской керамики Восточной Литвы с керамикой типа Пиестиня-Звидзе из Лубанской низины. В последней заметно лишь более сильное воздействие культуры гребенчато-ямочной керамики. Среди кремневых изделий также преобладают ромбовидные наконечники, массивные скребки. Костяной инвентарь составляют наконечники стрел, составные крючки, роговые топоры без отверстий [20, с. 14].

Близкие аналогии средненеолитической керамики Восточной Литвы имеются в нижних слоях поселений Сертея II, Дяздица, Усвяты IV, т. е. поселений усвятской культуры. Здесь заметны те же признаки керамики, что и в других средненеолитических поселениях северо-восточной части нарвской культуры. Тесто сосудов содержит примесь толченых раковин, днища их округло-острые, венчики прямые и слегка утолщенные в верхней части, края иногда скошены внутрь. Сосуды покрыты разнообразной орнаментикой, выполненной насечками, оттисками гребенчатого штампа, прочерченными линиями, оттисками шнура, ямочными вдавлениями. Довольно много изделий из кости и рога: одно- и двусторонние наконечники гарпунов, игловидные, биконические наконечники стрел, тесла без отверстий (35, с. 5—22). Подобная керамика и орудия труда известны в большинстве прибалтийских средненеолитических памятников.

Надо отметить, что керамика типа Пиестиня-Звидзе и сопровождающий инвентарь из кости, рога, кремня известны и в Восточной Эстонии [59, с. 132—134].

Керамика и сопровождающий ее инвентарь из всех средненеолитических поселений Северной Белоруссии, южной части Псковской обл., восточной части Литвы, Эстонии настолько однообразны, что несущественные черты, разделяющие их, не позволяют выделить для отдельных групп памятников различные археологические культуры.

Востоchnолитовские средненеолитические памятники и их инвентарь от других памятников северо-восточной части нарвской культуры среднего неолита отличаются следующими признаками:

1) в керамике слабее, чем в других вышеупомянутых группах поселений, выражены признаки влияния культуры гребенчато-ямочной керамики;

2) в кремневом инвентаре заметны следы более сильного влияния неолитической неманской культуры, что свидетельствует о связях жителей Восточной Литвы с населением территории Южной Литвы и Северо-Западной Белоруссии в целях приобретения кремневого

сырья. Эти контакты имели воздействие непосредственно на формы таких же кремневых изделий, найденных в Восточной Литве: ланцетов, овальных топорилов, угловых резцов и пр. [11, с. 12—14];

3) раньше, чем в других поселениях северо-восточной части нарвской культуры, появляются отдельные формы костяных и роговых изделий: двухлезвийные тесла, однозубые с расширенным основанием гарпуны, треугольные с черешком наконечники, которые особенно широко применялись в бронзовом веке.

В позднем неолите на территории северо-восточной части нарвской культуры археологи выделяют три культуры: шнуровой керамики, позднеолитической пористой керамики [31, с. 129] и северобелорусскую. Соответственно должны выделяться и три разных типа керамики. На основании сравнения материала можно выделить два типа керамики — позднеолитическую нарвскую (пористую) и шнуровую. По форме, тесту и орнаментировке северобелорусская и позднеолитическая нарвская (пористая) керамики тождественны. Для этой керамики, хотя и относимой к разным культурам, характерны черты поздненарвской культуры: в тесте сосудов преобладают органические примеси (толченая раковина и растительность), сосуды с широкими отверстиями, остродонные (часто с округленными днищами) или плоскодонные с прямыми, вогнутыми или профилированными стенками. Обнаружены плоскодонные, круглые, с прямыми стенками миски. Остаются характерные для нарвской культуры орнаментные мотивы, хотя в позднем неолите они более сложные. Чаще всего встречаются орнаментные мотивы из ямок, насечек, кружков, нарезок, линий, оттисков гребенчатого штампа и отпечатков перевитого шнура.

Востоchnолитовская поздненарвская керамика позднего неолита отличается от керамики, обнаруженной в северо-восточной части нарвской культуры следующими признаками:

1) сохранностью почти всех форм и орнаментных мотивов (поселение Жямайтишке 2) раннеолитической нарвской керамики;

2) слабее выраженным влиянием керамики гребенчато-ямочной культуры в поздненарвской керамике;

3) своеобразием сосудов, по форме близких к сосудам из поселения Цедмар Д;

4) слабым влиянием культуры шнуровой керамики.

Интересно отметить, что с возникновением на территории нарвской культуры гребенчато-ямочной керамики заметно расширился ассортимент кремневых изделий. Появились листовидные и ромбические наконечники стрел. Ос-

тальные типы кремневых орудий представлены подтреугольными, округлыми и концевыми скребками, проколками, остриями и резцами. Из сланца изготавливались топоры, долота со скошенными лезвиями, пилы, наковальни. Все вышеуказанные признаки в нарвской культуре сохранялись и в позднем неолите.

Наряду с культурой гребенчато-ямочной керамики на северо-восточной территории нарвской культуры на рубеже III—II тыс. до н. э. появляется культура шнуровой керамики. Самая ранняя ее находка на территории Литвы в поселении Шарняле (Плунгеский р-н) датируется 2310 ± 90 лет до н. э. Vs-318.

Влияние культуры шнуровой керамики на северо-восточной территории нарвской культуры очень слабо [13, с. 19]. В связи с этим в позднем неолите на территории северо-восточной части нарвской культуры заметны следующие изменения в керамике:

1) увеличивается число сосудов с S-образной профилировкой;

2) появляются сосуды, орнаментированные отпечатками перевитого шнура. Нередки сложные композиции орнамента. Вместе с горизонтальными, опоясывающими сосуд отпечатками перевитого шнура встречаются более сложные мотивы, для создания которых использовались ряды насечек, нарезок, четырехугольных углублений, характерных для нарвской культуры;

3) заметно увеличивается число треугольных наконечников с вогнутой (сердцевидной) основой.

Аналогичное, почти идентичное культурное развитие в среднем и позднем неолите выявлено на территории Восточной Латвии у оз. Лубана, а также в Северной Белоруссии. Незначительные различия в кремневом инвентаре (ланцеты, трапеции, овальные топоры, угловые резцы) и керамике (сосуды цедмарского типа) в северо-восточной части Литвы с вышеуказанными регионами дали повод некоторым археологам выделить на территории северо-восточной части Литвы еще и четвертую — южную группу нарвской культуры [116, р. 126].

Большинство признаков, объединяющих восточнолитовские средне- и поздненарвские поселения и их инвентарь (часть верхне-волжского сиреневого цвета кремня), сходны с чертами инвентаря из поселений северо-восточной части нарвской культуры [81, р. 119—134].

Более значительные различия выявляются при сравнении восточнолитовских поздненарвских памятников с памятниками из юго-западной части нарвской культуры, такими как

группа поселений Швянтойи, Цедмар Д, Дактаришке, Сарнате [13, 19—27].

На керамику нарвской культуры из поселений Западной Литвы и Латвии раньше и сильнее оказала воздействие культура шнуровой керамики и слабее — гребенчато-ямочной. Уже в нарвской керамике из поселения Швянтойи 23, датированной концом среднего неолита, значительно больше сосудов с шейками S-формы и плоскими днищами, чем на территории Восточной Литвы того же периода. В составе теста увеличивается количество толченого гранита, хотя в изделиях еще мало орнаментных мотивов с отпечатками шнура [113, р. 139]. В поселениях позднего неолита в Швянтойи влияние шнуровой керамики еще более возрастает, а орнаментные мотивы керамики шнуровой культуры заглушают нарвские [113, р. 141]. Аналогичная ситуация прослеживается и в поселениях Сарнате [5, с. 119—124], только здесь более сильное влияние имела культура гребенчато-ямочной керамики, чем в группе памятников Швянтойи.

Крятуонцы из поселений ранней группы особенно тесные связи поддерживали с племенами неманской культуры. По-видимому, под влиянием неманской культуры в поселениях ранней группы обнаружены сосуды второго типа (рис. 55, 2), хотя орнаментные мотивы и элементы на сосудах обеих культур — межкультурное явление.

Предположение В. И. Тимофеева о связи населения Цедмар Д с западнонарвской культурой [45, с. 18] становится актуальным при исследовании поселений Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2. Обнаруженные здесь формы и орнаментировка керамики очень близки керамике из поселения Цедмар Д. Хотя эти поселения и разделяют 500—800 лет и находятся они в разных регионах, форма и орнаментировка керамики, сохранившейся в них на протяжении всего неолита, указывают на влияние цедмарской группы памятников на нарвскую культуру.

Это мнение разделяют и исследователи Е. Кемписты [94, с. 15—22] и Л. Ю. Ванкина [5, с. 144, рис. 150]. Противоположное мнение в своих работах высказывает Р. Римантене, которая цедмарские поселения относит к неолитической неманской культуре [116, р. 113].

В поселениях юго-западной части нарвской культуры костяные и роговые изделия иных типов [5, 46, с. 115—119; 5, табл. XXV], чем в северо-восточной ее части. Кремневое сырье в них местного или более южного происхождения, хотя типы изделий, относящихся к среднему и позднему неолиту, другие. В поселениях среднего неолита преобладают тре-

угольные наконечники, средние или боковые резцы [113, раб. 15—16, 44], в позднем — появляются ланцеты, трапеции [64, lent. 24, 1—4, 10—24, 30—33, 36, 40].

Можно сделать вывод, что неравномерное развитие нарвской культуры в западной и северо-восточной ее частях предопределялось в среднем неолите разными культурами: в северо-восточной — гребенчато-ямочной и в юго-западной — шнуровой и шаровидных амфор. Поселения у оз. Крятуонас (Крятуонас 1Б, Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2) надо отнести к северо-восточной части нарвской культуры.

Хронологически шнуровая керамика у оз. Крятуонас появилась позднее нарвской среднего неолита. Это подтверждается стратиграфическими данными поселений Крятуонас 1 и Пакрятуоне 1. Поселения со шнуровой керамикой относительно одновременны с нарвскими поселениями Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2. По форме и орнаментировке шнуровая керамика почти идентична керамике жуцевской культуры, которая в позднем неолите была распространена в западной и центральной частях Литвы, Калининградской обл. и в северо-восточной части Польши [115, р. 4—5].

На вышеупомянутой территории обнаружена шнуровая керамика, по форме и орнаментировке более разнообразная. В поселениях со шнуровой керамикой появляется и другой кремневый инвентарь. По сравнению с поселениями среднего и позднего неолита здесь его обнаружено заметно больше. Жители поселений со шнуровой керамикой использовали некачественное местное кремневое сырье, в результате чего изделия становятся небольшими по размеру. В отличие от шнуровой керамики восточной части Латвии здесь она не сливается с местной поздненарвской керамикой.

Нельзя согласиться с утверждением Р. Римаантене, что шнуровая керамика восточной части Литвы и Латвии имела больше общего с более старой, прибалтийской культурой шнуровой керамики, а не с поморской (жуцевской) [116, р. 233]. Идентичность шнуровой керамики, стратиграфически и типологически связанной с поздненеолитическими изделиями из поселений поморской (жуцевской) культуры, пока не позволяет отнести крятуонские памятники со шнуровой керамикой к более раннему периоду, чем I четверть II тыс. до н. э. Более того, некоторые изделия, например наконечники стрел, резцы, а также и техническое выполнение всего кремневого инвентаря из поселений с поздненарвской керамикой (Жямайтишке 2) близки кремневым изделиям из поселения Крятуонас 1А. Таким образом,

поселения Жямайтишке 1 и Жямайтишке 2 с поздненарвской керамикой относительно одновременны с поселениями жуцевской культуры Крятуонас 1А, Пакрятуоне 1А, Яра 1А и др.

Археологический материал, определяющий решение этнокультурных вопросов, полностью подтверждают антропологические данные.

Обнаруженные в поселении Крятуонас 1Б захоронения для антропологов имеют большое значение. С мезолита в Восточной Прибалтике обнаруживаются два антропологических типа — долихокранный и мезокранный, имеющие восточные признаки [15, с. 43], очень хорошо проявившиеся в антропологическом материале из могильника Звейниеки [15, с. 60]. В среднем неолите на территории Восточной Прибалтики появляются носители культуры гребенчато-ямочной керамики, передавшие местным жителям новые восточные признаки. Об этом свидетельствуют обнаруженные на территории Латвии (Звейниеки) и Эстонии (32, табл. 1) антропологические данные.

Появившиеся на территории Восточной Прибалтики носители культуры шнуровой керамики были долихокранными европеоидами.

По данным антропологов, у крятуонцев отмечается компонент мезоморфных мезобрахикранных европеоидов [48, с. 10]. Это еще раз доказывает, что памятники нарвской культуры из поозерья Крятуонас относятся к северо-восточной части нарвской культуры. Немаловажное значение в ее развитии в период среднего неолита имела культура гребенчато-ямочной керамики.

Эти данные хорошо иллюстрирует гидронимика. В северной и северо-восточной части Литвы известно свыше 30 гидронимов финно-угорского происхождения [4, с. 404—405]. Наличие старых гидронимов, среди которых немало древнеиндоевропейских и древнеевропейских, их равномерное распространение на территории балтов подтверждает, что процесс формирования последних происходил на месте [3, с. 121]. А гидронимы финно-угорского происхождения следует рассматривать как финно-угорские реликты в языке и этносе [3, с. 122].

О существовании финно-угорских поселений в среднем и позднем неолите свидетельствуют поселения с гребенчато-ямочной керамикой, обнаруженные в северо-восточной части Литвы: Крятуонас 1А, Жямайтишке 2, Жямайтишке 3 (Швенчёнский р-н), Пашвитинис 1 (Пакруойский р-н), Яра 5 (Аникщяйский р-н).

Памятники у оз. Крятуонас свидетельствуют о преемственности элементов нарвской культуры в культуре бронзового века — костяных и роговых изделиях. Обнаруженные в

ранних городищах Восточной Литвы костяные и роговые изделия — долота, ножи, проколки, кочедыки, конусообразные наконечники, гарпуны с одним щипом, рыболовные крючки, кинжалы, булавы с ушками, подвески [83, р. 51—56; 1976, р. 69—80] — по форме почти идентичны изделиям из поселений среднего и позднего неолита. Аналогичные связи между поздненеолитическими костяными и роговыми изделиями бронзового века обнаружены в поселениях Восточной Латвии [14, табл. VII, XII, XIII, XIV—XVIII]. Особый интерес представляет влияние нарвской керамики на развитие штрихованной керамики. Такие факторы, как элементы орнамента, обработка поверхности, техника налепа и, в известной степени, форма сосудов (штрихованной керамики — А. Г.), позволяют говорить о существо-

вании субстратных традиций, восходящих к нарвской культуре и гребенчато-ямочной керамике. Гораздо слабее в штрихованной керамике отражается влияние культуры шнуровой керамики [6, с. 67]. Это обстоятельство характерно не только для восточной части Латвии, но также и для северо-восточной части Литвы [80, р. 131]. Можно предположить, что в этой части ареала нарвской культуры процесс индоевропеизации (смена поздненарвской культуры культурой штрихованной керамики) происходил во второй половине II тыс. до н. э.

В заключение можно сделать вывод, что на территории Восточной Литвы в формировании балтской культуры в среднем и позднем неолите основную роль играла нарвская культура.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буров Г. М. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // Сов. археол. 1966. Т. 1. С. 155—173.
2. Бутримас А. К вопросу о судьбе нарвской культуры // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. Киев, 1981. С. 20—21.
3. Ванагас А. П. Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов // Этнографические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980. С. 119—123.
4. Ванагас А. К проблеме финно-угорского субстрата в литовской топонимике // Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Таллинн, 1975. Т. 1. С. 404—405.
5. Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970.
6. Васкс А. В. Ранний комплекс керамики укрепленного поселения Брикули // Изв. АН ЛатвССР. 1982. № 9(422). С. 57—67.
7. Гурина Н. Н. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера // Краткие сообщ. Ин-та ист. матер. культ. 1940. Т. 7.
8. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // Матер. иссл. по археол. 1956. № 47.
9. Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР // Матер. иссл. по археол. 1967. № 144.
10. Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // Кратк. сообщ. Ин-та археол. 1972. Т. 131. С. 36—45.
11. Гирининкас А. Связи неолитических нарвской и неманской культур в Восточной Литве // Пробл. этногенеза и этнич. ист. балтов. Вильнюс, 1981. С. 12—14.
12. Гирининкас А. Разница нарвской керамики развитого неолита в восточной и западной Литве // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982. С. 19—27.
13. Гирининкас А. А. Поздний неолит Восточной Литвы: По данным материалов памятников оз. Крятуонас: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1982.
14. Граудонис Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига: Зинатне, 1967.
15. Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975.
16. Дмитриев П. А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // Матер. иссл. по археол. 1951. Т. 21, № 11. С. 7—93.
17. Долуханов П. М., Микляев А. М. Культурные контакты на северо-западе русской равнины в голоцене // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 184—188.
18. Загорская И., Загорскис Ф. Мезолит Латвии // Кратк. сообщ. Ин-та археол. М., 1977. С. 69—75.
19. Загорская И. А. Костяные орудия охоты и рыболовства каменного века на территории Латвии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1983.
20. Загорскис Ф. А. и др. Оса — многослойное поселение эпох мезолита и неолита на лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984. С. 55—67.
21. Загорскис Ф. А. Костяная и роговая скульптура из могильника Звейниекки // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 138—142.
22. Зайкоўскі Э. М. Новые поселища паўночнабеларуской культуры // Весці АН БССР. Минск, 1982. № 5. С. 82—88.
23. Зайковский Э. М. Неолит и бронзовый век Белорусского Подвинья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1985.
24. Зарубин Л. А. Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян // Советск. археол. 1971. № 6.
25. Зимина М. П. Могильник и стоянка «Репише» // Кратк. сообщ. Ин-та археол. 1984. № 177. С. 63—71.
26. Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья // Минск, 1976.
27. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
28. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Ивановские стоянки — комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984. С. 92—109.
29. Лёбок Дж. Начало цивилизаций и первобытное состояние человека. СПб., 1896.
30. Лозе И. А. Костяная и роговая скульптура эпохи неолита Латвии // Изв. АН ЛатвССР. 1969. № 11. С. 33—48.
31. Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.

32. **Марк К. Ю.** Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // *Вопр. этнич. истории эстонского народа*. Таллинн, 1956. С. 219—242.
33. **Микляев А. М.** Памятники Усвяцкого микро-района Псковской области // *Археол. сб. Гос. Эрмитажа*. Л., 1969. № 11. С. 18—40.
34. **Микляев А. М.** Памятники каменного века и периода бронзы в бассейне верхнего течения Западной Двины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971.
35. **Микляев Л. М., Семенов В. А.** Свайное поселение на Жижицком озере // *Тр. Гос. Эрмитажа*. Л., 1979. № XX. С. 5—22.
36. **Микляев А. М., Долуханов П. М., Гуман М. А.** Усвяты IV. Наумово-озерные поселения эпох неолита и бронзы в верховьях Западной Двины // *Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины*. М., 1984. С. 67—81.
37. **Паавер К.** Формирование термофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту, 1965.
38. **Римантене Р. К.** Стоянка каменного и бронзового веков Самантонис // *Сов. археол.* 1960. № 2. С. 115—127.
39. **Римантене Р. К.** Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
40. **Римантене Р. К.** Неолит Литвы в Калининградской области // *Матер. иссл. по археол.* 1973. С. 218—225.
41. **Римантене Р. К.** Типология палеолитических и мезолитических наконечников Прибалтики // *Орудия каменного века*. Киев, 1978. С. 20—31.
- 41а. **Римантене Р. К.** Раскопки неолитических поселений Швянтойи 6 и Шакас // *Археол. открытия 1983 года*. М., 1985. С. 429—430.
42. **Раушенбах В. М.** Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956.
43. **Тимофеев А. И.** К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики // *Кратк. сообщ. Ин-та археол. М.*, 1975. № 141. С. 18—24.
44. **Тимофеев В. И.** Новые данные по хронологии неолита Юго-Восточной Прибалтики // *Кратк. сообщ. Ин-та археол. М.*, 1978. № 153. С. 34—37.
45. **Тимофеев В. И.** Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
46. **Тимофеев В. И.** Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар Д (Серово) // *Кратк. сообщ. Ин-та археол.* 1981. № 165. С. 115—119.
47. **Фосс М. Е.** Неолитические культуры Севера европейской части СССР // *Сов. археол.* 1947. № 9. С. 29—46.
48. **Чеснис Г. А.** Антропология древнего населения Литвы: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Вильнюс, 1985.
49. **Черныш Е. К.** Памятники раннего периода культуры триполья-кукутени // *Археол. СССР. Энеолит*. М., 1982. С. 178—180.
50. **Чарняўскі М. М.** Неолітычнае пасяленне Скема 1 на поўначы Беларусі // *Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук*. Минск, 1966. С. 70—74.
51. **Чернявский М. М.** Новое неолитическое поселение на Кривинском торфянике // *Докл. к XI конф. молодых ученых Белорусской ССР*. Минск, 1967. С. 372—385.
52. **Чернявский М. М.** Исследование неолитических поселений Кривинского торфяника // *Древности Белоруссии*. Минск, 1969. С. 71—88.
53. **Чернявский М. М.** Неолит Северо-Западной Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1971.
54. **Чернявский М. М.** Хронологические рамки неолита Северо-Западной Белоруссии // *Кратк. сообщ. Ин-та археол.* 1978. № 153. С. 42—46.
55. **Чарняўскі М. М.** Неоліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.
56. **Эберхардс Г. Я.** Колебания уровня древнего озера Лубана и заселение его берегов человеком // *Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии*. Тарту, 1981. С. 182—186.
57. **Г. Эдинг Д. Н.** Новые находки на Горбуновском торфянике // *Матер. иссл. по археол.* 1940. № 1. С. 41—57.
58. **Янитс Л. Ю.** Новые данные по неолиту Прибалтики // *Сов. археол.* 1954. № 19. С. 159—204.
59. **Янитс Л. Ю.** Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллинн, 1959.
60. **Янитс Л. Ю.** Неолитические памятники Эстонии и их хронология // *Матер. иссл. по археол. М.; Л.*, 1973. № 172. С. 202—209.
61. **Antoniewicz W.** *Archeologia Polski*. W-wa, 1928.
62. **Bagušienė O., Rimantienė R.** Akmeniniai gludinti dirbiniai // *Lietuvos TSR archeologijos atlasas*. V., 1974. T. 1. P. 84—105.
63. **Brondsted J.** *Denmarks Oldtid*. Kobenhavn, 1938. Bd. 1.
64. **Butrimas A.** Akmens amžius Žemaičių aukštumoje. *Daktariškės neolito gyvenvietė*. V., 1982.
65. **Butrimas A.** Neolito kapai iš Donkalnio (Telšių raj.) // *Archeologinės ir numizmatinės medžiagos kompleksavimas ir konservavimas*. V., 1983. P. 26—28.
66. **Butrimas A.** Duonkalnis: vėlyvojo neolito gyvenvietė, alkas ir kapinynas // *Lietuvos archeologija*. V., 1985. T. 4. P. 30—49.
67. **Daugudis V.** Pirmojo tūkstantmečio pr. m. e. Šiaurės Žemaitijos piliakalniai (I. Būdingesnieji piliakalnių bruožai ir jų įtvirtinimai) // *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser.* V., 1986. T. 2(95). P. 31—42.
68. **Daunys S.** Pirties tradicinės apeigos Adutiškio apylinkėse // *Kraštotyra*. V., 1980. T. 10. P. 61—64.
69. **Ehrlich B.** Succase, eine Siedlung der jungsteinzeitlichen Schnurkeramiker im Kreise Elbing // *Elbinger Jahrbuch*. 1936. Bd. 12—13. S. 41—98.
70. **Evans J.** *Les ages de la pierre Instruments, Armes et Ornaments de la Grande-Bretagne*. P., 1878.
71. **Gaerte W.** *Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens*. Königsberg, 1927.
72. **Gaerte W.** *Urgeschichte Ostpreussens*. Königsberg, 1929.
73. **Garunkštis A., Stanaitis A., Pociukonienė T.** Baseino fizinės-geografinės sąlygos // *Kretuonas*. V., 1974. P. 5—19.
74. **Girininkas A.** Šarnelės vėlyvojo neolito (III tūkstantm. pr. m. e. pab.) gyvenvietė // *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser.* V., 1977. T. 1 (58). P. 57—65.
75. **Girininkas A.** Šiaurės rytų Lietuvos akmens amžiaus paminklai (1. Jaros I neolito (III tūkstantmetis prieš m. e.) gyvenvietė) // *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser.* V., 1977. T. 4 (61). P. 77—91.
76. **Girininkas A.** Tyrinėjimai prie Žeimenio ežero ir Žeimenos upės // *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1967 ir 1977 metais*. V., 1978. P. 76—77.
77. **Girininkas A.** Šiaurės rytų Lietuvos akmens amžiaus paminklai (2. Jaros II vidurinio neolito (III tūkstantmetis pr. m. e.) gyvenvietė) // *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser.* V., 1978. T. 3 (64). P. 63—72.
78. **Girininkas A.** Naujos akmens amžiaus gyvenvietės Rytu Lietuvoje // *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1978 ir 1979 metais*. V., 1980. P. 13—16.
79. **Girininkas A.** Pakretuonės (Švenčionių raj.) I gyvenvietės tyrinėjimai 1979 metais // *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1978 ir 1979 metais*. V., 1980. P. 12—13.

80. **Girininkas A.** Narvos kultūros raida // Lietuvos archeologija. V., 1985. T. 4. P. 119—134.
81. **Girininkas A.** Kretuono I-os gyvenvietės vidurinio neolito kapai // Lietuvos archeologija. V., 1985. T. 4. P. 5—9.
82. **Grigalavičienė E.** I tūkstantm. pr. m. e. Lietuvos piliakalnių kaulo dirbiniai (1. Darbo įrankiai) // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser. V., 1975. T. 4 (53). P. 73—83.
83. **Grigalavičienė E.** I tūkstantm. pr. m. e. Lietuvos piliakalnių kaulo dirbiniai (3. Papuošalai) // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser. V., 1976. T. 3 (56). P. 69—80.
84. **Grigalavičienė E.** Egliškių pilkapiai // Lietuvos archeologija. V., 1979. T. 1. P. 5—43.
85. **Horst F.** Einige Knochenschmuckscheiben aus dem Havelgebiet // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Potsdam, 1962. T. 1. S. 36—38.
86. **Indreko R.** Skulpturr ja ornament Eesti kiviaje luuriistades // Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat. Tartu, 1931. K. 6.
87. **Indreko R.** Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
88. **Jaanits L.** Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki, 1957. T. 58. S. 80—100.
89. **Jaanits L.** Kultuuri arengupidevusest Eestis üleminekul keskmiselt nooremale kiviajale // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970. P. 81—87.
90. **Jaanits L.** Über die estnischen Bootäxte vom Karlova-Typus // Finskt. Museum. 1971. S. 46—76.
91. **Jablonskytė-Rimantienė R.** Radikių (Kauno raj.) akmens amžiaus stovyklos // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser. V., 1965. T. 1 (18). P. 33—45.
92. **Jazdzewski K.** Die östliche Trichtenbecherkultur in Nordwestpolen // Congressus secundus archaeologorum Balticomum Rigae. 19—23. VIII. 30. Rigae, 1931. S. 75—90.
93. **Kalevala. V.**, 1972.
94. **Kempisty E.** Ostrodenne naczynie z Czarnej Hancy i zagadnienie kultury narwskiej w Polsce // Wiadomości Archeologiczne. W-wa, 1981. T. 46, zesz. 1. S. 15—22.
95. **Klebs R.** Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Königsberg, 1882.
96. **Kruk J., Milisauskas S.** Befestigungen der späten Polgarkultur bei Bronocice (Polen) // Archaeologisches Korrespondenzblatt. Mainz, 1979. T. 9, H. 1. S. 9—13.
97. **Kubasiewicz M.** Die Hautiere im Neolithikum Polens // Die Anfänge des Neolithikums von Orient bis Nordeuropa. Fundamenta. Köln; Wien, 1984. Reihe B, Band 3/IX. S. 44—72.
98. **Kulczycka-Leciejewiczowa A.** Pierwsze społeczeństwa rolnicze na ziemiach polskich. Kultury kręgu naddunajskiego // Prahistoria Ziemi Polskich. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. 2. S. 19—164.
99. **Kulikauskas P.** Naujai aptikta akmens-žalvario amžių gyvenvietė Palangoje // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A ser. V., 1959. T. 2 (7). P. 33—41.
100. **Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A.** Lietuvos archeologijos bruožai. V., 1961.
101. **Latvijas PSR archeologija.** Rīgā, 1974.
102. **Lasickis J.** Apie žemaičių, kitų sarmatų bei netikrų krikščionių dievus. V., 1969.
103. **Lietuvos TSR archeologijos atlasas.** V., 1974. T. 1.
104. **Loze I.** Neolithic amber ornaments in the Eastern part of Latvia // Przegląd Archeologiczny. Poznań; Wrocław, 1975. T. 23. S. 49—82.
105. **Loze I.** Agrais neolits Zvejsalās // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis. Rīgā, 1975. Sēj. 8 (337). Lpp. 53—64.
106. **Loze I.** Neolita celtnu vietas Austrumbaltija // Archeologija un etnogrāfija. Rīgā, 1978. Sēj. 12. Lpp. 7—23.
107. **Loze I.** Akmens laikmeta māksla Austrumbaltija. Rīgā, 1983.
108. **Milisauskas S., Kruk J.** Bronocice a neolithic settlement in Southeastern Poland // Archeology. Chicago, 1978. Vol. 31, N 6. P. 45—52.
109. **Puzinas J.** Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys. K., 1938.
110. **Rimantienė R.** Lietuvos akmens amžiaus šukinė puodų ornamentika ir finougrų klausimas // Lietuvos istorijos metraštis. 1972 metai. V., 1973. P. 5—26.
111. **Rimantienė R.** Paminklų ir dirbinių tipai // Lietuvos TSR archeologijos atlasas. V., 1974. T. 1. P. 5—20.
112. **Rimantienė R.** Neolito gyvenvietės Nidoje tyrinėjimai 1976 ir 1977 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1976—1977 metais. V., 1978. P. 77—83.
113. **Rimantienė R.** Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. V., 1979. T. 1.
114. **Rimantienė R.** Der Anteil mesolithischer Typenformen an den Fundkomplexen der neolithischen Neman-kultur // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Potsdam, 1980. Bd. 14—15. S. 177—182.
115. **Rimantienė R.** Šventoji. Pamarių kultūros gyvenvietės. V., 1980. T. 2.
116. **Rimantienė R.** Akmens amžius Lietuvoje. V., 1984.
117. **Seibutis A.** Kretuono duburio raida // Kretuonas. V., 1974. P. 41—51.
118. **Šturms E.** Mezolita atradumi Latvijā // Senatne un māksla. Rīgā, 1939. Sēj. 1. Lpp. 31—44.
119. **Šturms E.** Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn, 1970.
120. **Tarvydas B.** Senovės gintarinių papuošalų rinkinys // Gimtasai kraštas. Šiauliai, 1937. T. 1. P. 46—56.
121. **Troels-Smith J.** En Elmetraes — Bue fra Aamosen og andre Traesager fra tildligneneolitiske Tid // Aarboger. 1959/1960. P. 91—145.
122. **Valatka V.** Šarnelės stovykla // Muziejai ir paminklai. V., 1968. P. 39—42.
123. **Zagorska I.** Akmens laikmeta harpūnas Latvijā // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis. Rīgā, 1972. Sēj. 8 (301). Lpp. 80—98.
124. **Zagorskis F.** Kreiču neolita kapulauks // Archeologija un etnogrāfija. Rīgā, 1961. Sēj. 3. Lpp. 3—17.
125. **Zagorskis F.** Jauni materiāli par neolitu Latvijas austrumu daļā // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis, Rīgā, 1965. Sēj. 6. Lpp. 35—50.
126. **Zagorskis F.** Pārbaudes izrakumi Osas apmetnē // Zinātniskās ataskaites referātu tezes par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1969 gada pētījumu rezultātiem. Rīgā, 1970. Lpp. 72—73.
127. **Zagorskis F.** Agrais neolita laikmets Latvijas austrumdaļā // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas vēstis. Rīgā, 1973. Sēj. 4 (309). Lpp. 56—69.
128. **Zagorskis F.** Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka apbedījumu tipoloģija un hronoloģija // Archeologija un etnogrāfija. Rīgā, 1974. Sēj. 11. Lpp. 7—24.
129. **Znamierowska-Prüfferowa M.** Rybolówstwo jezior Trockich. Wilno, 1930.
130. **Żurek J.** Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzućewie, pow. Wejherowski, i kultura rzućewska // Fontes Archaeologici Posnanienses. Poznań, 1954. Vol. 4. P. 1—42.

KRETUONAS. MIDDLE AND LATE NEOLITHIC

SUMMARY

Introduction. Over twenty monuments (Fig. 7) of the Middle and Late Neolithic have been revealed in the basin of Lake Kretuonas. Eight of these monuments have been investigated and belong to the most profoundly studied in eastern Lithuania.

The investigations have been conducted by the expedition under the Institute of History of the Lithuanian SSR Academy of Sciences headed by the author.

The volume of the present publication gives us an opportunity to provide some data only on the following three monuments: the Middle Neolithic Kretuonas 1B site, the Late Neolithic Žemaitiškė 1, Žemaitiškė 2 and Kretuonas 1A sites.

Environment, Chronology and a Short Survey of Investigations. The formation of Lake Kretuonas and further development of its pit are assumed to be connected with ice thawing and fluctuations of the water level. In the Pre-Allerød the water level of the present-day Kretuonas, Vajuonis, Kretuonykštis lakes were of the same level, i. e. 154 m of absolute altitude. In the Allerød the water level decreased considerably, this causing the formation of the second lake terrace. In the Pre-Boreal when the first terrace was in the process of formation the water level was 147 m of absolute altitude (Fig. 2). In the Boreal the water level constantly fluctuated. In the same period the soil formation process started and developed continuously. In the Atlantic period peat formation started 6510 ± 160 B. C. (Vs-313). In the Sub-Boreal the water level was still high though the process of soil formation persisted. The topography of Neolithic sites is connected with the fluctuation of the water level of Lake Kretuonas. Kretuonas 1B and Žemaitiškė 1 sites are associated with the end of the Atlantic period and the beginning of the Sub-Boreal. The Žemaitiškė 1 site dates back to 2470 ± 60 B. C. (Bln-2593). In the Sub-Boreal a sudden regress of the water level occurred. This is reflected by the further development of the cultural layer of the Žemaitiškė 1 site. The layer goes back to 1760 ± 100 B. C. (Vs-312). In this period the inhabitants did not leave the site for good, they only moved eastwards. The first Sub-Borealic regress is reflected by the Žemaitiškė 2 site topography. It dates from 1620 ± 120 B. C. (Vs-311) (Fig. 2). The Kretuonas 1A site belongs to the same period. According to the topography and inventory the sites are divided into two periods: the Middle (Kretuonas 1B) and Late Neolithic (Žemaitiškė 2 and Kretuonas 1A). The Žemaitiškė 1 site takes the intermediate position between them. Late Neolithic sites fall into two groups: (1) the sites with Narva pottery, (2) those with Corded Ware.

Farming. Social Economy. Four main branches of social economy can be distinguished:

1. **Hunting.** Bows and arrows were the dominant hunting weapons (Figs. 17—32). In the Middle Neolithic hunters more often used lancets (Figs. 17, 18, 1—20), trapezium (Fig. 18, 21, 22) and willow leaf-shaped arrow-heads of flint. Of these rearly triangular (Fig. 19, 1—27), rhomboid (Fig. 19, 33—36) and episvidric arrow heads are discovered.

In Late Neolithic sites triangular with retouched and concave bases (heart-shaped) (Fig. 25), rhomboid (Fig. 25, 1—7), leaf-shaped tanged arrow-heads made by chipping flakes are frequently discovered. Bone and antler barrel-shaped barbed with round and flat cross-

section pointed arrow and spear-heads were used (Figs. 29—32). These artifacts continued local Mesolithic traditions. Flint knives (Figs. 21—27), daggers (Fig. 28) were widespread in hunting. Paleosteologic investigations (V. P. Danilchenko) evidence that the red deer was among the dominant animals (55%) (Table 1), while in western Lithuania and on the whole territory of Latvia and Estonia in the Middle as well as in the Late Neolithic it was the elk that was the main game animal. The residents of Kretuonas in the Middle and Late Neolithic hunted birds, especially ducks.

2. **Fishing.** The fishing tackle of the Middle and Late Neolithic are the same though they have differences in shape and techniques. Fishing was individual and collective. In collective fishing nets, sinkers, floats, oars, swing trees, and crackers (Figs. 35, 39—44) were used. The individual fishing tackle included one- and two-sided folding harpoons, pointed arrowheads, fishing baskets, rods, hooks and tools for netting (Fig. 33, 34, 36—38, 44).

3. **Food-gathering.** Evidence indicating what kind of plants the inhabitants of Kretuonas used for food is very scarce as yet. The remains of nuts report that being rich in albumen they enriched the diet. In addition, it should be assumed that mollusca, the shells of which were exposed in all the sites under examination, were used for food, as well as mushrooms, berries, and various edible roots.

The Rudiments of the Food-producing Economy. Paleosteologic faunal investigations indicate that in the Middle Neolithic the following domestic animals were already known: small cattle, pigs, horses, and dogs. In Late Neolithic sites the situation did not change. The fishing-hunting-gathering industry was sufficiently profitable and there was no urgency to change the methods of industry. In the Late and Middle Neolithic the inhabitants of Kretuonas used hoes (Figs. 45—47), round quern stones for grain grinding (Fig. 48). Flint blades and sickles were used only in the Late Neolithic age.

4. **Housekeeping.** Pottery represents the major part of home inventory. It is divided into three groups: Narva pottery, Corded Ware and comb-pit-marked pottery, brought to light in the Middle and Late Neolithic sites. The clay mass of the Middle Neolithic pottery contains organic and mineral admixtures. In the clay mass of the Late Neolithic pottery only organic admixtures can be discovered.

The Narva culture Middle and Late Neolithic pottery is represented by eight basic types (Fig. 53). These types according to the necks of pots can be subdivided into four groups.

The pots of 1—3, 5 and 6 shapes represent the early pottery. Eighty one per cent of the pottery is richly decorated. The pots with I- and C-shaped necks prevail. Most frequently they are ornamented. Among the decoration motifs most common are those of quadrangular, grain-shaped, round shallow pits. Stamped imprints are frequently placed on the upper part of the pot surface (Fig. 55). More rearly the motifs of the horizontal cord imprints, deep strokes, comb-marked imprints are discovered.

The pots of 3, 4 and 6—8 shapes represent the late Narva culture pottery.

In the Žemaitiškė 1 site pots with C- and S-shaped

necks predominate, in Žemaitiškė 2 those with I- and S-shaped necks are more frequent. Lines around the pots, quadrangular, triangular, grain-shaped, round pits, stamped imprints, cord and comb impressions (Figs. 58, 65) are the dominant decoration motifs. The pottery of eastern Lithuania, known from the Late Neolithic sites of Žemaitiškė 3A, Kretuonykštis 1 (Švenčionys District), Disna (Ignalina District) is quite analogical. The genetic relation between the ornamentation of the Narva culture Middle and Late Neolithic pottery is indicated by the similarity of an index 81.

The Narva culture Middle and Late Neolithic pottery near Lake Kretuonas has affinities with the pottery in the north-eastern Narva culture area.

The Culture of Corded Ware. The corded pottery discovered in the Late Neolithic sites is of four main types: amphora, goblets, bowls and wide-mouthed pots (Fig. 68). The ornamentation of corded pottery is not complicated. It consists of horizontal rows of cord imprints running around the necks of the pots. The articles of corded pottery are not very numerous. The culture of corded pottery is closely related to the Pamiarių (Rzucewo) Late Neolithic culture.

Comb-pit-marked Pottery. It has been revealed in the Late Neolithic sites Kretuonas 1A and Žemaitiškė 2. It is difficult to trace the shapes of pots, however, it is evident that they had pointed bases and C-shaped necks (Fig. 69). The whole surface was decorated in zones with comb-like impressions and deep pits. Horizontal rows of pit impressions alternate with the rows of comb-like impressions. The shapes and ornamentation of comb-pit-marked pottery suggest it being of the latter type. The artifacts of comb-pit-marked pottery have been discovered in three more monuments in eastern Lithuania: Žemaitiškė 2 (Švenčionys District), Jara 5 (Anykščiai District) and Pašvitinis (Pakruojis District) sites.

Tools. The inhabitants of Kretuonas used all kinds of flint, stone, bone and antler tools to construct buildings, to work up furs, wood, bone, and antler, as well as in housekeeping.

Antler axes with tangs (Figs. 70—71), flint axes with oval polished surfaces (Figs. 76—79), unperforated axes of stone (Figs. 78—84) were dominant tools. In the Late Neolithic site, alongside with corded ware the Karlov type stone axe was revealed (Fig. 80). Whetstones were used to polish bone and antler artifacts. The major part of flint inventory used by the inhabitants of Kretuonas in the Middle and Late Neolithic consists of scrapers (Figs. 83—84), cutters (Fig. 84), borers (Fig. 95), and chisels (Fig. 96). Many gongs-chisels, flint hand-saws, bone awls (Fig. 106) and needles (Fig. 107), made of tubular bone, were discovered at the sites.

Threads were needed for netting and sowing various skin articles. The pottery decorated with textile impressions and clay whorls speaks for weaving. Bone hooks (Fig. 109, 5) were widespread in household, bone stamps were used for pot decoration (Fig. 109, 2). The bone artifacts used by the inhabitants of both Narva culture settlements were cut off at an angle of 45°.

The buildings were wooden, the spaces between the rows of the poles hammered into the ground being filled with stones. Stone was used to shore up various poles as well. The buildings were of two types: dwelling sites and fortifications. The remains of the dwelling houses from the Middle Neolithic are not numerous.

The wall discovered in the Pakretuonė 1B site indicates that houses were above-ground and rectangular in shape. It is evident that houses in the Late Neolithic, especially in the Žemaitiškė 2 site where the remains of 15 houses were revealed, were as long as 16 m. The houses were divided into separate rooms from 2.5—3 to 4—4.5 m. The walls were built of two rows of vertical

poles from 2 to 16 cm in diameter. The partition walls consisted of a row of vertical poles. The upper parts of the poles near the partition walls had a kind of shoulders that undoubtedly joined together other wooden constructions which had not survived.

The most interesting construction site was discovered in Žemaitiškė 1. In the north-eastern part of the site the remains of the defence wall, built of three rows, was brought to light. The spaces between the rows were from 4.5 to 7 m wide (Fig. 113). The remains of the defence wall consisted of several rows of horizontal posts shored up by stones and vertical poles. Some 30—45 cm of the interior row of the wall was hammered into the ground. The horizontal poles were from 2 to 15 cm in diameter, the vertical ones from 4 to 10 cm in diameter. The interior wall was 95 cm in width, the trench for the bed of the wall was 105 cm wide. As much as 0.5 m of the middle wall was hammered into the ground and is analogical to the third wall. In the outer side of the second wall the ditch 205 cm wide and 1 m deep was dug out. The second and third walls were from 80 to 90 cm in width. Near the third wall outside the settlement one more ditch 150 cm wide and 1 m deep was dug out. The length of the wall under examination was from 10 to 12 m (Fig. 113). Evidently, the settlement was surrounded by the wall from all sides. The analogical fence only with one wall was discovered in the Šventoji 1A site (the region of Palanga).

The Spiritual Life of the Inhabitants of Kretuonas. Some additional light on the spiritual life of the inhabitants of Kretuonas is thrown by their works of art and burial rites.

Among the works of art amber, bone pendants and the pendants of animal teeth are the most frequent (Fig. 115). Their shapes and techniques imply a close relationship with the north-eastern Narva culture artifacts. Bone pins and bone distributors from necklaces were revealed not only in the settlements of the Middle Neolithic but also in those of the Late Neolithic.

The works of fine art can be divided into five groups. They represent animals, birds, fish, snakes, and people. In the Žemaitiškė 2 site a bone figurine of a doe as if still-bound in a leap, a clay figurine of a bird and a representation of a duck on bone have been discovered. The representations of fish on the shoulders of several pots were found in the Kretuonas 1B site. The most remarkable is a conical arrow-head with the symbolic representations of people-animals discovered at the same site. The art of the inhabitants of Kretuonas falls into two groups: realistic and symbolical.

The skeletal graves in Kretuonas 1B (Fig. 119) and their equipment add a lot to our understanding of the afterlife conception of the inhabitants of Kretuonas.

The urn surrounded with stones which was discovered in the Kretuonas 1A site (Fig. 121—122) speaks for a new burial rite of Indo-Europeans.

Many a cultural-ethnic problem has been solved with the help of recent linguistic studies, archaeological and antropological investigations of the sites around Lake Kretuonas.

Archaeological material speaks for the fact that the Middle and Late Neolithic sites with the Narva pottery belong to the north-eastern area of the Narva culture. The tribes of the comb-pit-marked pottery penetrated the north-eastern area in the Middle Neolithic and thus caused the divergence of the area from the main south-western area. On the other hand, the latter was greatly influenced by the Globular Amphora and Corded Ware tribes. In the Late Neolithic not only Narva culture settlements (around Lake Kretuonas and in the north-

eastern area of the Narva culture) can be discovered but also several corded ware sites. The latter did not exercise a strong influence on the development of the Narva culture. On the contrary, the south-western area of the Narva culture was overlapped by the culture of Corded Ware on the basis of which the Pamarių (Rzucewo) culture formed.

Antropological investigations speak for the fact that Finno-Ugrians exercised a certain influence on the inhabitants of Kretuonas in the Middle Neolithic. The skulls discovered at the sites had Lappoid traits.

Linguists corroborate the assertion of archaeologists and antropologists that over 30 hydronimics in north-eastern Lithuania are of Finno-Ugrian origin. They are

treated by linguists as Finno-Ugrian relicts in language and ethnos.

In the Middle Neolithic a comb-pit-marked pottery culture and the Neolithic Nemunas culture did not exercise a strong influence on Lake Kretuonas Narva culture tribes. In the Late Neolithic Narva culture tribes were not strongly influenced by the Corded Ware culture either. As a result, the Narva culture had a great influence on the formation of the Eastern Baltic culture in the Bronze Age. The influence of different cultures in the south-western and north-eastern Narva culture areas determined the main traits of the Eastern and Western Baltic culture the formation of which started in the Bronze age.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4	Нарвская керамика Восточной Литвы и Восточной Прибалтики	56
Pratarmė	5	Шнуровая керамика	60
Введение	6	Шнуровая керамика и ее место среди находок в Восточной Прибалтике	60
Глава I. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ У ОЗЕРА КРЯТУОНАС	7	Гребенчато-ямочная керамика	62
Глава II. ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ У ОЗЕРА КРЯТУОНАС	22	Орудия труда	63
1. Общественное хозяйство	22	Строительство	88
Рыболовство	37	Глава III. ДУХОВНЫЙ МИР ЖИТЕЛЕЙ ОЗЕРА КРЯТУОНАС	92
Собирательство	43	Искусство	92
Зачатки производящего хозяйства	43	Захоронения и погребальный обряд	98
2. Домашнее хозяйство	45	Глава IV. КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	102
Керамика	45	Список использованной литературы	106
Общие черты поздней нарвской керамики	55	Summary	109
Развитие нарвской керамики в Восточной Литве	55		

A87 **Археология Литвы: [Сб. ст.] / Ин-т истории АН ЛитССР.— Вильнюс: Мокслас.**

[Кн.] 7: Крятуонас. Средний и поздний неолит: Монография / А. Гирининкас; Редкол.: А. Таугавичюс (отв. ред.) и др.—1990.—110, [2] с.: ил.—Рез. англ.—Библиогр.: с. 106—108 (130 назв.).—ISBN 5—420—00701—0

В книге особое внимание уделено нарвской керамике — ранней и поздней. Выявлены общие признаки и особенности поздненарвской культуры на территории Восточной Литвы, описана керамика гребенчатоямочной и шнуровой культур и указано ее место в материале каменного века Восточной Прибалтики. Анализ кремневых, костяных и роговых изделий позволил автору осветить хозяйственную деятельность жителей в среднем и позднем неолите, воссоздать планировку поселений, расположение строительных сооружений. Особый интерес представляет попытка осветить духовный мир неолитических жителей у оз. Крятуонас и т. д.

Научное издание

Институт истории АН Литвы. АРХЕОЛОГИЯ ЛИТВЫ. Кн. 7. А. Гирининкас. Крятуонас. Средний и поздний неолит. Монография. Вильнюс, издательство «Мокслас», 1990

Mokslinis leidinys

LIETUVOS ARCHEOLOGIJA. 7 knyga. A. Girininkas. Kretuonas. Vidurinis ir vėlyvasis neolitas. Monografija.

Редакторы: Ю. Лыхварь, З. Мажейкайте. Художник Р. Веригаите. Художественный редактор В. Курайте. Технический редактор Л. Жвилнаквичене. Корректоры: Н. Колпигина, Н. Семёнова

ИБ № 3452

Сдано в набор 22.09.1989. Подписано в печать 11.03.1990. Формат 84×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная, 10 пунктов. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,9. Усл. кр.-отт. 11,53. Уч.-изд. л. 12,44. Тираж 1000 экз. Заказ № 2668. Пена 2 р. 80 к. Заказное. Издательство «Мокслас», 232050, Вильнюс, ул. Жвайгждю, 23. Отпечатано в типографии «Вильтис». 232600, Вильнюс, ул. А. Страздзялэ, 1.

